

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ

Северо-Запад®

Олаф Бьорн Локнит

Подземный огонь

Серия «Полуночная гроза», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134494
Конан и подземный огонь: Северо-Запад; СПб.; 1998
ISBN 5-7906-0081-6

Аннотация

Великая беда обрушилась на Хайборию. Где-то на Граскаальские горы упала Небесная Гора, после чего многие народы стали погибать под ударами Зеленого Огня также именуемого Подземным. Зеленый огонь не оставлял живых на своём пути, его разрушительные силы коснулись и Аквилонии. Король Конан не мог допустить чтобы так продолжалось и дальше, снарядив отряд из верных людей Конан отправляется туда откуда исходит угроза Зеленого огня, в горы. Дабы на месте разобраться с тем что упало в чуждый ему мир.

Содержание

ПРЕДВАРЕНИЕ	4
Глава первая	8
Глава вторая	36
Глава третья	67
Глава четвертая	102
Глава пятая	139
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Олаф Бьорн Локнит

Подземный огонь

ПРЕДВАРЕНИЕ

Выдержка из письма Флавия, графа Сарзака королю Аквилонии Конну II, внуку великого короля Конана, родом происходившего из земель киммерийских, а также всей королевской семье. Письмо прилагается к рукописи «Синей Хроники», представленной Его величеству Конну:

«...В 1397 году по распоряжению Королевского совета Аквилонии были отпущены значительные средства на ремонт помещений, занимаемых хранилищем рукописей Тарантийского замка. Одновременно главный хранитель библиотеки (сию должность занимал Максимус Сервий, барон Корте) решил провести всецелую и наиболее полную перепись всех находящихся в библиотеке книг, рукописей, хроник и свитков.

По причине обширности и некоторой бессистемности собрания дворцовой библиотеки, а также преклонных лет достопочтенного барона, труд сей занял значительно большее время, нежели рассчитывал месьор Сервий. Кроме того,

в ходе ремонта были обнаружены помещения, о существовании которых предыдущие хранители совершенно позабыли, и которые даже не были обозначены на подробнейших планах старой части дворца.

В одном из новооткрытых помещений барон Корте наткнулся на обширное, но, к его величайшему сожалению, изрядно траченное временем и обстоятельствами, собрание пергаментов, датированных учеными людьми серединой предыдущего столетия. Среди этих почтенных раритетов древности наиболее лучшей сохранностью отличался толстый фолиант, переплетенный в кожаную обложку синего цвета. Рукопись не имела названия и за время своего существования лишилась части листов, однако именно эти недостатки остановили на ней пристальное внимание хранителя библиотеки, здраво рассчитывавшего обнаружить нечто интересное.

Поначалу барон Корте принял найденную им рукопись за плод трудов некоего начинающего литератора, пробующего свои силы в сложном искусстве живописания словом. Однако вскоре барон с изумлением обнаружил, что перед ним находится не что иное, как летопись, повествующая о первых месяцах правления легендарного основателя нынешней правящей династии – Конана I. Рукопись была посвящена подробному описанию нежданного бедствия, обрушившегося в те времена на Аквилонию и оставшегося в памяти потомков как «Подземное Пламя». Однако многие изложенные в

ней события толковались и описывались совершенно не так, как гласили сохранившиеся дворцовые и храмовые летописи, отчего находка досточтимого хранителя библиотеки получила наименование «Синей или Незаконной Хроники».

Обширная – но, к глубочайшему прискорбию барона Корте, неполная – летопись представляла собой собрание личных рассказов очевидцев, записанных тогдашним королевским летописцем, с присовокуплением чертежей краев, где происходили описываемые события, официальных документов или их копий, отражавших положение дел в различных странах на тот момент, и многочисленных заметок составителя, предварявших каждое повествование.

Благородный месьор Сервий провел собственное тщательное изыскание, пытаясь установить, является ли обнаруженная им рукопись искусно созданной подделкой или подлинным произведением. Он обнаружил бесспорные свидетельства существования почти всех личностей, принимавших участие в странных и загадочных событиях, происходивших осенью 1288 года от основания Аквилонии, после чего вынес твердое решение – хроника является истинной, однако ответственность за все написанное может лежать исключительно на авторе рукописи. Создатель «Незаконной хроники» оставил потомкам свое имя, наравне с именами участников тех давно минувших событий. Его звали Хальк, барон Юсдаль из Гандерланда, и в то время он служил при дворе Великого Короля в должности хранителя библиотеки.

Неизвестно, что заставило его взяться за составление летописи, не соответствующей никаким канонам и правилам составления подобных документов, однако барон Юсдаль сумел завершить свой нелегкий труд. Но, явно не решаясь спорить с общепринятым мнением и опасаясь за свое место при дворе, он не рискнул представить свою хронику в канцелярию, занимающуюся просмотром ведущихся в государстве летописей, и сохранил ее лишь для собственного пользования, а также для близких друзей.

В дворцовых отчетах не сохранилось сведений о дальнейшей судьбе барона Юсдаля. Однако существует мнение, что он и дальше верно служил своему королю, деля с ним радости и невзгоды.

Летопись же, в которой, кроме сего повествования, имеется еще множество других, не менее занимательных и поучительных, посвященных знаменитому аквилонскому правителю, его окружению, друзьям и врагам, предлагается вниманию благосклонного читателя, первым из которых будешь ты, мой король.»

Флавий Аркон, граф Сарзак.

Хранитель анналов истории библиотеки Тарантийского замка.

16 день 3 весенней луны 1397 года от основания Аквилонии.

Глава первая

ЭЙВИНД, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, предгорья Граскааля

15-19 дни первой осенней луны 1288 г.

«...Беда, как всегда, пришла в мир непрошено и неожиданно. Позднейшие разыскания доподлинно установили, что корни неисчислимых бедствий, обрушившихся на страны Заката и Восхода, крылись во владениях подгорных карликов (иначе именуемых гномами), кои во множестве расположены под малонаселенной людьми горной грядой Граскааль. Однако было бы в высшей степени несправедливым поступком возлагать вину за произошедшее на одних только гномов, ибо сказано в сочинении почтенного мэтра Алкмидидеса Немедийского „О бренности сущего“: „Предначертанное сокрытой от смертных волею Митры свершится и никто не в силах противиться решению Высших Сил. Тем не менее, у созданий Светлого Бога достаточно разума и воли, дабы не пытаться идти против велений судьбы, но использовать

их себе во благо. “Необдуманнные действия подземных обитателей лишь послужили тем малым камешком, что сдвинул с места огромную лавину, оказавшую влияние на судьбы многих людей и государств...”

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства,

1288 год от основания Аквилонии

Вчера с вечера солнце было блекло-желтое и садилось в туман. Верная примета – жди наутро снегопада. Вот он и начался. С рассвета валит и валит – мокрые большие хлопья засыпают черное вспаханное поле и нашу деревню, стоящую на крутом склоне. Хороший снег – ласковый и почти не холодный. Вечером, наверное, все белым будет.

Зима в этом году выдалась ранняя. Куда ж такое годится – начало осени, а у нас уже перевал засыпает и на реке лед. Гремячая, конечно, в жизни не замерзнет так, чтобы через нее можно было перейти – речка это быстрая, с ледника течет. Но все валуны, что лежат на дне и высовывают черные лысые макушки, теперь оделись в ледяные венчики. Точно стриженные головы монахов Митры. Полная река утонувших монахов.

Над рекой – деревня. За деревней – горы. Горы уходят высоко вверх, под самые облака. Скалы сегодня хмурые, подернутые туманом. Горы зовутся Граскааль. За ними лежит

страна Гиперборея, но я там никогда не был. Может, когда-нибудь побываю. Хотелось бы.

Граскааль – сердитые горы. Чужих они не любят. Да чужак там и не выживет. В Граскаале ущелье за ущельем, лавины ворчат, ледники обрываются в бездонные пропасти. Плохое место, жестокое. Однако красивое, особенно зимой. Небо тогда чистое, высокое-высокое, горы серебряно-синие с лиловыми тенями, и даже отсюда, снизу, видно каждую скалу. Заезжие торговцы говорят, будто наши горы похожи на волчьи клыки. Наверное, так оно и есть. Они такие же острые и блестящие. И безжалостные.

Граскааль начинается не сразу. Сначала из равнины поднимаются холмы. Холмы заросли лесами – ближе к полудню дубы, возле гор – сосняк. Зимой на сосновых лапах намерзает иней и звенит на ветру. За холмами поднимается неровная зубастая цепь, это и будет Граскааль. У его подножия, на склоне Медвежьего холма, стоит наша деревня, Райта.

Деревня большая. Полторы сотни душ, четыре десятка домов. Некоторые недавно здесь поселились, другие могут своих родичей перечислять до десятого колена. Народ всякий – из Бритунии, из той же Гипербореи, есть из Немедии и из каких-то стран, и названия-то которых не выговоришь, не то чтобы запомнить.

Мы – свободное поселение. То есть лорда, владеющего нашей землей, у нас нет. Да и посмотрел бы я на того, кто рискнул бы объявить себя нашим хозяином!

Со всеми спорами разбирается староста да деревенский совет. Те, кто оставил свою страну и захотел поселиться в деревне, идут к ним, и старики решают, принимать новых людей или нет. Последние, кого пустили в Райту – бритунийское семейство, сбежавшее в начале лета от своего барона. Говорят, зверь был, а не человек.

Живут у нас и оборотни. Две семьи, вон их общий дом стоит на гребне пригорка. Одно название, что оборотни. Превращается только молодежь, старшие же всегда выглядят людьми. Сейчас в их семействе двое мальчишек, им по десять зим. Так вот, эти сорванцы все время носятся волчатами по горам. Хоть все наперебой твердят, что они запросто могут угодить в капкан или свалиться в трещину.

Здесьние оборотни всегда были в мире с людьми. Даже когда три года назад в Бритунии объявился Бешеный Вожак и начал проповедовать, что, мол, люди погрязли в беззаконии и надо их всех перебить. Оборотни рассказывают, у них где-то раз в сотню лет рождается Бешеный, вся Стая его слушает и не может не идти за ним. Этот Бешеный сумел поднять против людей оборотней в Бритунии и у нас, в Пограничье.

Что тогда творилось! Нам-то хорошо, мы от столицы далеко, в наш медвежий угол мало кто по своей воле полезет. Стая Одержимых всю страну переполошила, а тогдашнего короля, Дамалла, прикончила в собственном дворце. Потом нашлись люди и оборотни, решившие, что всем этим безобразиям надо положить конец. Сначала они охотились за от-

дельными шайками, а потом выяснили, где находилось убежище Бешеного и его стаи, пришли туда вместе с гномами и перебили всех, кто там был.

Я не знаю точно, где произошла эта битва. Говорят, неподалеку от нас, в каком-то брошенном храме в горах. В Райту все известия добираются с опозданием на месяц, а то и на два. Все потому, что через нашу деревню не пролегает никаких дорог, и торговцы к нам редко заглядывают. А вот если подняться вверх, через перевал, потом спуститься вниз, в холмы, и пройти лиг пять лесом, то попадешь в деревню Хезер. Она стоит на Гиперборейском тракте. Мы туда раза четыре в год ходим – на ярмарки да новости послушать. Хезер раза в три больше нашей Райты, а тамошний староста настолько обнахалился, что величает Хезер не иначе, как «почти городом». Тоже мне, город. Деревня и есть, только большая и шумная.

Ближайшая ярмарка начнется через десять дней. Она считается осенней, но в этом году, видно, придется переименовать ее в Зимнюю. Если снегопад не прекратится, то придется нам сани раньше срока вытаскивать. А лошади-то еще на верхних пастбищах! Хоть и снег идет, но трава за лето выросла высокая, они еще долго могут там оставаться. Наши лошади не такие, как в Хезере или у приезжих. Они маленькие, на вид невзрачные, мохнатые и очень выносливые. И скачут по горам не хуже, чем горные козы.

Снежинки все падают и падают. Тихо вокруг. Деревня

внизу лежит, люди ходят, собаки бегают, а ничьих голосов не слышно. Дымки сизые из труб поднимаются, тают, смешиваются с туманом. Райту с умом ставили – сверху ее прикрывают отвесные скалы, с них почти никому целым спуститься не удавалось, а вверх по склону тоже просто так не пройдешь. Летом на нем мокрая липкая глина – ее нарочно поливают, чтобы гуще была. А зимой скат замерзает. Настоящая горка.

На этой горке мальчишки катаются. Мне отсюда видно двоих и собаку, что за ними носится. Хотя какую собаку? Это ж самый настоящий волчонок. Вот из ближайшего дома выглянула женщина, что-то неслышно крикнула, мальчишки убежали, а волчонок юркнул под ворота. Влетело, значит.

Мне, наверное, тоже попадет, когда домой приду. Мол, бездельничаешь целыми днями, вместо того, чтобы отцу помогать. Ну да, бездельничаю. Сажу себе на скале над деревней и глазею по сторонам. Зря говорят, что Пограничье – унылая страна, а Граскааль – просто большая грудa камней. Здесь родиться надо и жить, чтобы понять, насколько тут красиво...

– Эйв! Эйви-инд!

Ну так и знал! Нигде не дадут покою. Эйвинд – это я, а глотку дерет моя сестренка Лив. В семье нас четверо, я – старший. Только это смех один, а не старшинство. Три девчонки, одна другой младше и вреднее. Не могу с ними жить в одном доме – целый день хихикают, шепчутся и секретничают! Кого угодно доведут до того, что прыгнешь в Гремячую

вниз головой и будешь считать, что легко отделался. А ведь их еще замуж отдавать надо! Кто ж таких змей подколодных в дом возьмет? Я их Гадючками зову – всех трех разом. Мол, подрастете – станете настоящими гадюками.

– Эйви-инд!

Голосок у Лив – мертвого из гроба поднимет. Стоит вни-зу, под скалой, голову задрала и вопит, как резаная. Не ина-че, Гадючки какую-то новую пакость задумали и собираются на мне ее испробовать. А не отзовусь – так ведь и будет сто-ять целый день да голосить. У Лив терпения хватит.

– Эйв! Я знаю, что ты там! Тебя отец зовет! Ну слезай! – Лив аж скачет на месте. Вроде бы не врет. С нашим отцом шутки плохи – что для меня, что для Гадючек. Слезаю я на-рочно не торопясь – пусть помучается. Ее же любопытство так и распирает – что я на скале делал? А ничего! На горы смотрел, вот и все.

– Отец сказал, чтобы ты к нему сразу пришел, – трещит как сорока Лив, когда я спускаюсь на тропинку. – А еще он сказал, что ты лоботряс и...

– А я сказал, что сейчас кое-кому косицы подрежу, – если эта девчонка сейчас же не замолчит, я суну ее головой в бли-жайший сугроб. Лив на миг примолкла, соображая, стоит ли продолжать дразнить мрачного старшего брата. Решила, что лучше не рисковать, и дальше пошла молча, сердито надув губы и не смотря в мою сторону. Да пожалуйста. Другой на моем месте давно бы затолкал Гадючек в один большой ме-

шок, завязал покрепче и выкинул в реку. А я ни одну из сестер и пальцем никогда не тронул! Даже за косички прежде не дергал, хоть и грозил не раз. Сестренки, как-никак...

Наш дом стоит в отдалении от всех, возле небольшой речной заводи. Это потому, что мой отец держит кузницу. Ремесло и кузня передаются с времен прадеда, обосновавшегося в Райте, когда она была еще невеликим хутором на три двора. Произошло это очень давно, почти сто лет назад, и мы по праву считаемся старожилами.

Прадеда звали так же, как и меня. Я его совсем не помню, а жаль. Как рассказывает отец, прадед поклялся не умирать, пока не увидит первого правнука. Он дожил до моего рождения и умер спустя полгода.

Эйвинд – асирское имя. Прадед был родом из Асгарда, далекой полуночной страны, и хотел, чтобы память о нем сохранилась в ком-нибудь из потомков. Его клан почти полностью перебили в стычке с соседним племенем. Прадед был ранен, долго прятался в горах, а потом ушел на полдень, решив перевалить через Граскааль и попробовать обосноваться по другую сторону гор. Он добрался до Пограничья, ему понравилась эта земля и он остался здесь навсегда.

С той давней поры асирская кровь в нашем роду почти перевелась. Прадед взял в жены женщину откуда-то с восхода, чуть ли из Турана – по семейному преданию, купил у проезжего торговца рабами. Их дети женились и выходили замуж за местных жителей, за выходцев из Бритунии и Немедии,

так что внуки и правнуки совсем не напоминают пращура.

Кроме меня. Как утверждают, я – вылитый прадед. Это, конечно, хорошая примета, но меня совсем не радует. Надоело каждый раз ударяться головой о притолоки, пролезать в двери боком и даже на родного отца смотреть сверху вниз. Я его выше почти на голову. Кроме того, ко мне с рождения намертво прилипли прозвища «рыжий» и «оглобля». Кому смешно, а мне не слишком. Пока терплю, но уже в зубах навязло.

Лив убежала, когда мы вошли во двор. Понеслась, наверное, остальным Гадючкам ябедничать. У-у, племя ядовитое... И отчего только они уродились такими зловередными?

Из распахнутых дверей кузницы почему-то не доносилось привычного звонкого перестука молотков. И красных отблесков тоже не видно – значит, горн не горит. С чего бы это? Скоро ярмарка, мой отец всегда на нее торговать ездит, и перед ее началом днями из кузни днями не вылезает. Не случилось ли чего? Или отцу надоело, что меня никогда на дворе не сыщешь, и он решил малость поучить наследника уму-разуму? Ох, худо мне тогда придется...

* * *

Зря я тревожился. Отец, оказывается, с самого утра в кла-

довых возился, оттого и горн в кузне не горел. Смотрел да пересчитывал, чего мы к ярмарке наготовили. У матери с Гадючками уже давно все было готово, разложено по мешкам и увязано. Никто в Хезере не заикнется, что, мол, семья Джоха-кузнеца все лето комаров гоняла.

Повезло мне сегодня. До отца слух дошел, будто на ярмарку приедут торговцы с восхода, медь привезут. Медь у нас, в Граскаале, не добывают. И у наших соседей, в Бритунии, тоже. Вообще-то в Пограничье рудники одни только гномы держат. Сами они наверх редко вылезают, а камнями, золотом и рудой торгуют через посредников из людей. Но у гномов что-то покупать – себе дороже. Три шкуры сдерут и еще будут вздыхать, что продешевили. Гномы не жадные, просто не могут спокойно золото в чужих руках видеть.

Так вот, медь нам иногда привозят с восхода, с тамошних копей. Рудники находятся в горах, название которых я только с третьего раза могу выговорить. Кезанкийские, вот как они прозываются. И медь эту самую торговцы не продают, а меняют. И не на что-нибудь, а на шкуры. На шкуры дрохо.

Про дрохо надо отдельно рассказывать. Живут они высоко в горах, а ближе к концу осени спускаются к людским поселкам. Мы на них не охотимся, только гоняем от пастбищ. Не охотимся потому, что замаешься дрохо отслеживать, а потом по всем ущельям за ней скакать. Убить-то ее легко – или копьем, или из лука, если повезет и она сама раньше тебя не загрызет.

Дрохо – ящерица. Почти такая же, как те зелененькие, что летом греются на камнях. Всей разницы – длины в ней добрых четыре, а то и пять шагов, она белая, мохнатая, и в пасти зубов понапихано, что кинжалов. И еще у дрохо кровь горячая. Вот и пойди, отыщи эту тварь посреди белого же снега!

А шкуры снежных ящериц дорого стоят. Иногда торговцы по весу золотом расплачиваются – сколько потянет, столько и монет отсыплют. Мы этим летом за дрохо не ходили, а теперь отцу срочно шкура понадобилась. Мол, до ярмарки еще целых десять дней, дрохо как раз вниз подались, наверняка успеешь одну загнать. Выделаем наскоро, засыплем солью и свезем на ярмарку. Такая шкура долго еще может продержаться, не воняя и не разлезаясь на кусочки, а к тому времени торговцы наверняка сумеют ее либо еще кому перепродать, либо продубить как следует.

Мне-то что. Даже и лучше, дома сидеть не надо. Всех сборов – запас еды дня на три-четыре в мешок покидать, сверху привязать короткие лыжи с луком – и в дорогу. Горы на пять дней хода вокруг Райты я насквозь помню. А летом мы в приметных пещерах сушняк запасли, так что переночевать можно. Мать, конечно, сразу в крик – куда это годится, приспичило вдруг в горы лезть! Снег еще не затвердел, вдруг завтра буран поднимется или другая напасть приключится? И пошло, и поехало. Мне восемнадцать, а она посейчас меня за мальчишку держит! Тут же любому понятно – раз снегопад начался, то ветра в ближние два-три дня точно не будет.

А мне больше и не надо.

Пока мать ворчала, я успел за дверь выскочить. Гадючки следом высунулись, чего-то зашипели, а меня и во дворе уже нет...

Я иду по окраине деревни, где одна тропа, пошире, уходит на перевал, в вторая, поуже – в Шепчущее ущелье. Пойду сначала туда, посмотрю, не появились ли мои белые мохнатые зубастики. Если в ущелье следов не встретится – придется подниматься на Ледяной перевал и забираться в долину над ним. Вот тут времени больше уйдет. Дня три туда да столько же обратно... Как раз к началу ярмарки обернусь.

Откуда-то вылез один из наших волчат-оборотней, покрутился, сел рядом. Морда умильная, глазенки горят, чуть ли не хвостом виляет. Понятно – догадался, что я в горы иду, и клянит, чтобы с собой взяли. Я бы и взял, ведь никто лучше волка или обернувшегося волком человека дрохо не выследит. Но волчонок устанет скоро. Что я тогда с ним буду делать – на себе тащить? Он хоть и маленький, а весит куда больше всей остальной поклажи.

– Нет! – говорю. Волчонок мигом скис и уши прижал. – Дома сиди! Что мне потом твои родители скажут? – он уже и хвост поджимает. Старший в здешней маленькой Стае – мужик серьезный. Ему и так не нравится, что младшие волчатами бегают, а уж если узнает, что я его внука на охоту увел – бед не оберешься... – Или пошли со мной до восхода на Шепчущее. Хочешь?

Он сразу пасть открыл, язык розовый вывалил и головой кивает – хочу!

– Но как дойдем – сразу обратно повернешь, понял?

Он заскулил – собака бы залаяла, волки же лаять не умеют – и помчался со всех лап вперед. А я рысью за ним.

Так мы и добрались до того места, где тропа резко забирает вверх и начинает петлять между скал. Снег все не прекращался. Теперь мне придется карабкаться по скользким валунам, потом немного ровной дороги и снова вверх – глядишь, к середине дня доберусь до Шепчущего. Его так называли, потому что речка, бегущая через ущелье, проточила на своем пути множество крошечных водопадов и вода в них все время что-то лопочет. Если посидеть подольше и послушать – можно даже различить слова.

Волчонок подождал, пока я заберусь повыше, проскулил что-то на прощание и не спеша побежал к Райте. Мне деревню отсюда уже и не видно, только туманные дымки над черными трубами плывут.

Вот я и один. Никого больше нет, только я и зимний Граскааль. Где-то глубоко подо мной копаются в своих шахтах гномы, высоко в небе живут боги, а мы, люди, как раз посредине. И еще в белых снегах скрываются хитрые дрохо. Вот и поиграем в пятки – кто кого первым отыщет!

...Спустя три дня я все еще не мог ничем похвастаться. Я обшарил Шепчущее ущелье снизу доверху и не нашел ни единого следа дрохо. Ничего – только снег и камни. Несколь-

ко раз я вспугивал снежных коз, однажды ночью мимо меня почти беззвучно прокрался барс, а дрохо не было. Ни их самих, ни их меток – костей там или ключьев шерсти. Этим тварям самое время им спускаться вниз, а их точно корова языком слизнула!

Зато, бродя по Шепчущему, я наткнулся на кое-что не менее интересное. Я бы наверняка прошел мимо, если бы у меня на глазах огромный ком снега неожиданно с тихим шорохом не канул куда-то вниз. Осталась неровная черная дыра, над которой курился еле заметный дымок.

Пролом мог оказаться чем угодно – от лаза в бездонное подземелье до логова какой-нибудь невиданной твари. Ведь, кроме дрохо и обычных зверей, в Граскаале можно порой встретить всяких невиданных чудовищ. Они забредают к нам с полуночи, из Гипербореи. Там, в этой Гиперборее, полно всяких колдунов, они творят что не попадя, а потом явленные ими на свет непотребные зверюги разбредаются по всей округе. Обычно чудищадохнут – от холода или по собственному тупоумию – но некоторые выживают. Прошлой зимой наши охотники завалили одну такую страховидлу – похожую на большую собаку, только без шерсти, с серой сухой кожей и черными клыками. Живучая дрянь оказалась. Ей голову напрочь разбили дубинками, а она все шипела и рвалась в кого-нибудь вцепиться.

К трещине я крался не хуже барса на охоте. Все ждал – не захрустит ли под ногами или не высунется ли кто из-под

снега. Но все обошлось. Добрался, заглянул осторожно вниз. Там – глубокий колодец с неровными стенками. Видно, что не сам получился, вырубил его прямо в дикой скале. На серо-красноватых, слегка обтесанных стенах остались глубокие следы кирок. Примерно на половине колодец наглухо перекрыт толстыми досками, в них пропилены узкие щели. Из них поднимается парок – чуть различимый глазом, а если руку протянуть – ощутимо теплый и пахнувший каленым железом. Провалившийся снег лежит на этих досках и тает потихоньку, даже слышно, как слабо журчит вода.

Теперь понятно – здесь старая гномья шахта. Раньше, наверняка, в ней добывали цветные камни или руду, а потом, когда жила иссякла, сделали отдушину для воздуха из пещер. Гномы там, внизу, мастерят чего-то, жгут горны, а здесь горячий воздух выходит наружу. Наверняка в Граскаале полно таких отдушин, только они мне на глаза не попадались. Гномы – народ скрытный. Людей, которые в их подземельях побывали, по пальцам пересчитать можно, причем одной руки. Подземный народ не любит, когда человек суется непрошеным в их владения. Убить – не убьют, но быстро за дверь выставят.

Интересно, для чего прорубили этот колодец? Для золотой жилы шахта проложена слишком близко к земле, для железного рудника – цвет земли не тот. Ага, вон что-то блеснуло голубоватым и сразу же – желтым. Значит, гномы все-таки добывали цветной камень. Чуть выше ярких блесков из сте-

ны торчит наискось сколотый обломок – зеленый в черную полосу. Похоже, его не заметили или он слишком крохотный, чтобы согдиться на пользу подгорным мастерам. Такой камешек я и раньше не раз встречал: он называется яшма. Может, он не слишком глубоко сидит в скале и у меня получится его вытащить? Это счастливый камень, он приносит удачу и хранит в пути от неожиданных бед. Не знаю, помогает ли он при охоте, но все-таки стоит попробовать его достать. Зачем хорошему камню оставаться в брошенном колодце?

Засевший в стене старой шахты кусочек яшмы пришлось долго выковыривать ножом. Потом я едва не уронил ножик вниз, откуда уж точно бы не достал – спустится в колодец еще можно, а подняться без чужой помощи – никак. И все же я своего добился – зеленоватый обломок длиной не больше человеческого пальца лежал на ладони. Спроси, зачем он мне понадобился – не отвечу. Не знаю. Просто захотелось добыть. Теперь он целиком мой. Всяко пригодится. Или подарю кому-нибудь, на худой конец.

Шепчущее ущелье пустовало. Оставалось еще три, самое большее – четыре дня до срока, назначенного отцом. Если я так ничего и не добуду, придется спускаться вниз. Плохо. Гадючки станут хихикать за спиной – полбеда, а вот отец посмотрит на мои пустые руки и недовольно скривится – настоящая беда. Не видать мне тогда гор до конца зимы. Все верно: раз охотиться как следует не можешь – сиди дома, в кузне помогай... Где же эти треклятые дрохо? Издеваются

они надо мной, что ли?

Полный день – с утра до позднего вечера – я убил на переход к Ледяному перевалу. Вскарabкался на него в сумерки, когда где-то далеко у меня за спиной садилось солнце. Окрестные скалы из белых и голубых стали на миг алыми и загорелись, ровно большие костры, потом медленно погасли. Было видно, как ночь поднимается из долин вверх, как темнеют и тают в наступающей мгле горы. На Ледяном гораздо холоднее, чем в ущелье, и даже воздух изменился. Стал каким-то редким и колючим. Тянешь его в себя изо всех сил, а все равно задыхаешься. И бегать здесь трудно – быстро язык высунешь и будешь пыхтеть, как загнанная лошадь.

Мои запасы подходили к концу, и по дороге пришлось подстрелить козленка. Коптить или жарить мясо не хотелось, да и к известной мне пещерке я добраться не успел. Придется сырым съесть. Немного противно и солить надо побольше, а так ничего.

Следующее же утро выдалось замечательным. Ни тебе низких туч со снегом, ни пронизывающего ветра, все вокруг сияет и переливается, так что глазам больно. Узкая вытянутая долина за Ледяным перевалом лежала, как на ладони. Запирающие выход из нее скалы упирались в ярко-голубое небо, и какое-то время я просто стоял на перевале, смотрел на все вокруг, напроочь забыв, для чего я сюда забрался.

Наверное, от прадеда мне досталась не только внешность, но и еще что-то особенное, чему названия не подобрать. Ска-

жем, вся наша семья молится Митре, а мне навсегда запал в память рассказ деда о боге Асгарда. Его зовут Имир, это снежный великан, хозяин гор. У него есть дочери – Атали и Аса. Это самые красивые и опасные девушки на свете. Они танцуют с ветрами на склонах Граскааля и манят за собой заблудившихся путников. Еще никто не сумел догнать Атали и Асу, зато многие погибли, пытаясь это сделать. Имир – жестокий бог, как и горы, в которых он живет. И дети его жестоки, что смертные, что бессмертные...

Тут я сообразил, что торчу на самой седловине перевала и пляжусь на горы, вместо охоты. Кажется, я даже всерьез ждал, что по соседнему склону вот-вот пронесется снежный вихрь, из него выбежит прекрасная Атали и засмеется, как льдинки звенят в ручье – холодно и чисто. Чего только в голову не взбредет, пока шастаешь в одиночку по горам!

И тут я ее увидел! Не Атали, конечно, а дрохо. Наверное, она уже давно на меня глазела, прячась за камнями. Белая мохнатая шкура почти сливается по цвету со снегом, мне на миг показалось – сугроб дрогнул и переметнулся с места на место. Только откуда у сугроба глаза – черные, круглые и блестящие?

Нашлась, наконец, моя дрохо. Теперь осталась малость – подкрасться поближе и выстрелить, да постараться попасть в глаз.

Ящерица, наверное поняла, что я ее тоже увидел и не отстану, и даже прятаться особо не стала. Подняла голову,

оскалилась во всю пасть и зашипела. Я ведь забрел на ее охотничью землю, значит, я – законная добыча, только опасная. Что такое луки и копья, снежные зверюги уже давно усвоили. Дрохо намного умнее и коварнее белого барса или чудовищ из Гипербореи. Они считают, что Граскааль принадлежит им и только им. В чем-то ящерицы правы. С эдакой тварью никто по доброй воле связываться не станет.

Но мне нужна ее шкура. Хочешь – не хочешь, а придется снежной ящерице расстаться со своей красивой шубкой.

Дрохо выскользнула из-за своего укryвища и понеслась вниз. Я не бросился за ней, а прикинул, куда она может целить. Во-он к той груде валунов. Значит, и я побегу туда, но с другой стороны и не так быстро. Настичь снежную ящерицу человеку все равно не под силу, но вот перехитрить – вполне можно.

Высоко над горами проплыл отдаленный гулкий раскат. Наверное, лавина сошла. Я и дрохо на миг остановились, одинаково прислушиваясь, а потом припустили дальше. Она убегает, я догоняю. Главное – не поменяться местами. У нее – и когти, и зубы, и длинный хвост, которым можно запросто кости переломать, а у меня только лук и кинжал. Ну, и еще голова на плечах. Как бы дрохо не крутила, все равно она от меня не уйдет.

Эй, прадед Эйвинд, как тебе живется там, в палатах Имира? А вот твой правнук бежит по хрустящему снегу за мохнатой гибкой тварью, и ему уж точно хорошо!

Носились мы по ущелью почти до полудня. Пару раз подлая скотина едва не проскочила мимо меня и не удрала. Сколько за это утро я зарылся носом в снег – и не сосчитать.

Все же я добился своего – загнал дрохо в узкий верхний конец долины. Выход из ущелья запирает отвесная стена высотой в десять-двенадцать ростов человека, по ней даже барсу или горной козе не взобраться, а уж тяжелой ящерице и подавно.

Дрохо все же попыталась сбежать. Цепляясь когтями за какие-то трещины и выбоины, она вскарабкалась почти на половину стены. Потом промерзшие камни не выдержали, подались, и ящерица рухнула вниз.

Когда я добрался до скального обрыва, дрохо сидела на грудке каменных обломков и таращилась по сторонам обалдевшими круглыми глазами. Увидев меня, зашипела, приоткрыв пасть с острыми желтоватыми клыками, и начала бить хвостом по снегу.

Я не стал подходить близко. Случалось, загнанная в угол снежная ящерица прыгала на охотника. Если она собьет тебя с ног – верная смерть. Разорвет на кусочки или так покалечит, что больше не поднимешься.

Дрохо словно поняла, что наша беготня и игра в прятки подошла к концу. Это была старая, опытная зверюга с длинным, густым мехом, кое-где вылинявшим и из белого ставшего желтоватым. Наверное, она не один год прожила в ущельях и распадках Граскааля, охотясь на горных коз и безнаказанно таская овец с людских пастбищ. Может, она понимала, что бежать ей некуда, да и все равно не удастся?

Ящерица вдруг перестала шипеть и яростно хлестать хвостом по камням. Замерла на месте и отвернула огромную голову, покосившись на меня с откровенным презрением. Мол, на этот раз тебе посчастливилось.

Все, что мне оставалось – наложить стрелу, натянуть лук да выстрелить. Таким выстрелом можно гордиться. За десяток шагов прямо в глаз. Дрохо мотнула головой, как-то судорожно дернулась, потом обмякла и растянулась на камнях. Наверное, стрела через глаз вошла прямо в мозг. Хорошо, что ящерица умерла быстро, совсем не мучаясь. И не только потому, что ее дорогая шкура не попорчена...

Может, зеленый камешек помог? Не зря же мне так захотелось его достать.

Только никакой талисман не поможет в том, что сейчас придется делать. Мерзкое занятие – на морозе обдирать только что убитого зверя. Кровь хлещет и тут же застывает, тяжелая, еще теплая туша примерзает к холодным камням. И сам по уши перемажешься, и все вокруг будет загажено. Липкий кинжал то и дело выскальзывает из рук, лезвие сры-

вается, едва не разрывая с таким трудом добытую шкуру...

Несколько раз я вставал и отходил в сторону – передохнуть. Сил моих больше не было смотреть на эту гору дымящегося мяса, внутренностей и торчащих костей, валявшуюся на подтаявшем снегу.

Я уже почти закончил, то есть добрался до задних лап дрохо, когда глубоко под землей что-то шевельнулось. Что-то огромное, дремлющее, внезапным толчком вырванное из долгого сна. Мне показалось, будто земля на миг качнулась, а окрестные горы вздрогнули.

«Землетрясение», – первое, что пришло в голову. Такое в Граскаале порой случается. Последние судороги гор на мое памяти происходили года три или четыре назад. Тогда частично завалило Седловой перевал, а большой оползень перекрыл течение Гремячей реки. Река, впрочем, быстро смыла мешавший ей завал и побежала по прежнему руслу, а весенние дожди унесли горы камней и грязи с перевала.

Земля снова содрогнулась, на этот раз гораздо сильнее. Я не удержался на ногах и шлепнулся прямо на скользкую горку кишок дрохо. Мало приятного. Может, это не землетрясение, а вулкан просыпается? Хотя перед пробуждением вулкана над вершиной горы всегда стоит густой черный дым и задолго слышно, как в недрах что-то ревет и булькает. Да и нету поблизости ни одного спящего вулкана. Выходит, действительно землетрясение.

Тут уж ничего не поделаешь, остается единственно терпе-

ливо ждать, когда оно закончится. И постараться не торчать под каменным карнизом или нависающей скалой, а то еще обрушатся на голову. Но я – в открытом ущелье, здесь меня вряд ли завалит. Страшно, конечно, когда такая надежная земля под ногами раскачивается, но землетрясения редко длятся долго. Интересно, от чего они происходят? Гномы, наверное, точно знают. А у нас в Райте говорят, будто под Граскаалем спят древние злые гиганты. Иногда они переворачиваются или дышат, оттого горы и трясутся. Наверное, им сегодня на редкость плохой сон приснился...

Толчки все не прекращались, наоборот, становились сильнее и чаще. Где-то неподалеку загрохотали срывающиеся вниз камни, заглушив на несколько мгновений все остальные звуки. Под этот грохот я увидел, как с горы напротив беззвучно съезжает белый вскипающий вал снега – лавина. Она пробороздила склон, подмяв под себя рощицу высокогорных сосен, и рухнула в соседнюю долину, затопив ее почти целиком. М-да, если здесь случится то же самое, мне конец.

Что самое обидное – я ничего не мог поделать. Даже убежать. Земля дрожала, и было невозможно сделать даже пары шагов. Только лежать, смотреть на безумие природы и надеяться, что повезет и я уцелею.

Великаны под горами, похоже, решили поразмяться. Граскааль раскачивался, вершины гор неожиданно съезжали набок или проваливались куда-то вниз. Стоял такой непре-

крашающийся гул, что в какой-то момент я просто оглох.

Рядом просыпался град каменного крошева, перемешанного со снегом, обвалившиеся валуны накрыли оставшуюся лежать под скалой тушу дрохо. Все это я видел словно со стороны, точно моими глазами смотрел другой человек. Кажется, я даже бояться перестал. Я чувствовал себя камнем, неподвижным и вросшим в землю, которая ни с того, ни с сего начала метаться из стороны в сторону. Камень не понимает, что происходит. Он вообще не думает. Его швырнет на другое место, он и там будет стоять по-прежнему. Вот и я просто тупо ждал, когда же, наконец, все закончится.

Где-то на самом доньшке памяти бился отголосок воспоминания – что там с нашим поселком? Не снесло бы его шальной лавиной и выдержали бы дома...

Землю били судороги. Может, наступал конец света, но мне теперь было все равно. Я видел, как в бледно-синем небе выписывают круги раскачивающиеся острые пики вершин и как они медленно валяются в мгновенно возникающие и исчезающие пропасти. Они были похожи на звериные пасти – разевались и захлопывались, заглотав очередной кусок. Большие такие, бездонные пасти. Ненасытные, вечно голодные.

Узкая трещина прозмеилась совсем рядом, взрезая гору. Я даже увидел, как в ее глубине ворочаются огромные камни, а между ними вспыхивают языки синеватого огня. Высоченная отвесная стена, у подножия которой валялись останки дрохо и я сам, мелко задрожала и начала уменьшаться.

Она съезжала туда, вниз, соскальзывая все глубже и глубже. Еще немного – и скала исчезнет целиком, а вслед за ней под землю затянет и все, что вокруг. Меня, наверное, тоже.

Из трещины вырвался фонтан бледно-алого огня. Лизнул камни, начавшие плавиться, как масло на раскаленной сковороде, и спрятался обратно. Груда валунов неподалеку от меня превратилась в тускло блестящую, оплывающую кучу непонятно чего. Камень стал водой и ручейки этой горячей воды, прожигая все на своем пути, медленно потекли вниз по бывшему склону. Один направился прямо ко мне, и я, сам не очень понимая, что делаю, убрал руку с его дороги.

И понял, что земля больше не корчится в припадке. Все – и горы, и небо – вернулось на свои места. Только там, где совсем недавно поднимались гордые вершины, теперь чернели расщелины Граскааль ущелья и пропасти. На месте бывших долин поднимались молодые горы, еще пылающие огнем тех страшных глубин, из которых они появились. Граскааль неузнаваемо изменился. И остался прежним. Пойдет снег, новорожденные горы остынут, и вскоре уже никто не сможет сказать, как давно они здесь стоят. Всегда. С времен сотворения мира.

А мир, наверное, творился именно так...

Тут я понял, что время идет, а я остался жив. И даже о чем-то думаю. Снега подо мной не осталось, растаял, и потому лежу я в теплой, почти горячей луже. Рядом шипят, остывая, раскаленные камни. Где-то далеко прогремел затихаю-

щий гул – сошел запоздалый камнепад. Значит, я и слышать снова могу. Тут невольно начнешь молиться – все равно кому. Кто бы не смотрел на нас с небес, спасибо, что я валяюсь в этой противной луже на чуть подрагивающем склоне. Спасибо, что оставил в живых.

Так я лежал довольно долго, бормоча под нос разные глупости. Пока не почувствовал, что насквозь промок и замерзаю. Попробовал встать – упал снова. Голова кружилась, земля кружилась, перед глазами все плыло, а камни, на которые я с маху плюхнулся, оказались очень твердыми.

Во второй раз я вставал куда осторожнее. Сначала на четвереньки. Так оказалось гораздо удобнее, и я позавидовал животным – почему им положено четыре подпорки, а нам, людям, только две? Несправедливо...

Голова, наконец, перестала ныть. Стоять на карачках было глупо и непривычно. Все-таки я не животное, а человек.

Ноги тряслись, но все-таки я не упал. Шатался, взмахивая руками, но не падал.

Вокруг все было другим. От Ледяного перевала ничего не осталось, все вершины, что раньше громоздились по левую руку от меня, сгинули. Зато откуда-то взялась новая гора, закрывшая от меня почти полнеба впереди. И долина выросла почти в два раза. А густой лес на склоне напротив исчез, будто и не было его никогда.

Если судить по солнцу, почти не двинувшемуся с места, минуло-то всего ничего. Несколько мгновений. Что-то

огромное вздохнуло под землей во сне и снова задремало, не заметив, как вздрогнул и качнулся мир. Маленькая букашка – я – умудрилась уцелеть, не сдтая этим вздохом. Наверное, сто лет теперь жить буду... Если домой доберусь.

Домой?

А что, если мне и добираться некуда?

Я повернулся туда, где оставалась Райта. Повернулся так резко, что опять едва не шлепнулся. Не только оттого, что ноги не держали, но и от неожиданности.

Далеко-далеко, за изломанным хребтом гор разгоралась заря. Не могло быть никакой зари в это время! Не с ума же я сошел?..

И все же это была заря. Лучшего слова я не подберу. Над цепью Граскааля дрожал мягкий, еле различимый на голубом, но с каждым мгновением все более усиливавшийся свет. Станный какой-то, зеленоватый. Как от многих разом взлетевших светлячков. Или от лунного сияния над большим тихим озером. Свет ширился, зеленые блики ложились на ближайшие вершины, соскальзывали дальше, заливая горы призрачным мерцанием.

Красивый он был, этот свет. Пугающий, но до боли красивый. На миг показалось – сейчас полыхнет так, что я навсегда ослепну. И не смогу увидеть, как на небе появится второе солнце. Я даже знал, какое оно будет – светло-зеленое с желтоватой короной лучей. Злое, чужое солнце.

Небывалое зарево продержалось над горами еще пару уда-

ров сердца. Потом начало стремительно меркнуть, съеживаться, прячась в сумеречных долинах, и погасло. Остался Граскааль, медленно приходящий в себя после жестокого удара, исходящие удушливым дымом расплавленные камни, глубокие расщелины, и я, никак не могущий до конца поверить, что остался жив.

Над угрюмо притихшими горами начали скапливаться неведомо откуда приплывшие свинцового цвета тучи. Пошел мелкий снег, на лету превращавшийся в дождь. Надо было возвращаться. Ледяной перевал обрушился, значит, дорога обратно отнимет у меня куда больше времени. А ноги все еще дрожат и на душе противно. Никогда в жизни так не пугался.

Нет, вовсе не содрогающаяся земля меня перепугала. И не мысль, что мне на голову в любой миг может рухнуть груда камней, соорудив отличную могилку. Зеленая заря – вот отчего мне было не по себе. Она полыхала в той же стороне, где на склоне Медвежьего холма стояла Райта. Деревня Райта, мой далекий дом.

Глава вторая

Хальк, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии.

**28 день первой осенней
луны 1288 г. Раннее утро.**

«...Первые известия об угрозе, надвигающейся на Аквилонию, остались незамеченными ни королем, ни его ближайшим окружением. Впрочем, их можно понять и простить. Сведения, доставляемые из полуночных стран, были слишком скудными и противоречивыми, а правителя, недавно занявшего престол, преимущественно заботило скорейшее ознакомление с делами подвластной страны и борьба с угрожавшими трону заговорщиками, нежели выяснение подробностей о странных событиях, творящихся в Пограничье, горах Граскааль и полуночной Бритунии. К тому же многие подданные нового короля, весьма сожалеющие о гибели прежнего владыки, отнюдь не стремились способствовать

своему повелителю в его трудах, отчего дела государства отнимали у него гораздо больше времени, нежели он рассчитывал. Так и случилось, что тревожные предупреждения прошли мимо внимания короля Аквилонии, тем самым, лишив его возможности вовремя вмешаться в происходящее...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Мудрые люди недаром утверждают, будто один ремонт равняется двум землетрясениям, наводнению и по меньшей мере, трем осадам. Насчет землетрясений не знаю, не видел, но вот с осадами и наводнениями сходство имеется. И очень большое сходство, смею вас заверить.

А теперь примите во внимание, что, говоря о ремонте, я подразумеваю не какую-то перестилку прохудившейся соломенной крыши в хижине захудалого кмета и даже не перестройку обветшавшего баронского замка. Я говорю о полноценном ремонте в самых что ни на есть настоящих королевских покоях. И о том, что каждое утро меня будит перестук топоров, назойливый визг пил и слишком громкие голоса усердных работников, сопровождающие каждое совершенное ими мало-мальски полезное действие. До сих пор не могу найти ответа на мучающий меня вопрос – когда же мастеровые работают, если, как не взглянешь, они то переруги-

ваются, то что-то жуют, то бездельничают, утверждая, будто на сегодня уже все сделали? Чует мое сердце, что этот многотрадальный ремонт затянется до самой зимы, если не до весны... А сейчас, между прочим, начало осени!

Хвала богам за маленькие милости по отношению к бедным смертным! Лично от меня большая благодарность за то, что из-за этого треклятого ремонта меня не выставили из занимаемых комнат. Пусть их всего три и располагаются они под самой крышей, однако находятся они только в моем распоряжении.

В отличие от меня кое-кому, например, служащим королевской канцелярии, подчиненным канцлера Публио, весьма не повезло. Их довольно вежливо, но настойчиво выдворили из занимаемого разными департаментами южного крыла, предложив на время переселиться куда-нибудь. И, разумеется, прихватить с собой все архивы. Вот почему теперь по всем этажам, залам и коридорам дворца валяются пергаменты с таким количеством наклепленных на них печатей, что диву даешься, а бедные канцелярские крысы бродят с остановившимся тоскливым взором, не зная, как собрать драгоценные бумажки в едином месте.

Ходят слухи, что беднягу Публио едва не хватил удар, когда он однажды утром узрел, как его гордость – обширнейший архив королевства – с шуточками и прибауточками волокут сжигать на хозяйственный двор. Крику было на весь дворец и город впридачу. Публио с тех пор во дворце не по-

казывается, чему, впрочем, все очень рады – одной головной болью и источником постоянных неприятностей меньше.

Находящееся на моем попечении хозяйство, занимающее места едва ли не больше, чем весь государственный архив, вряд ли кто решится сдвинуть с места. Потому я спокойно могу глазеть сверху вниз на суматоху во дворе и терпеливо ждать, когда и чем она закончится. Как написано в одной любимой мной книге, привезенной откуда-то из Турана, «Все проходит», значит, рано или поздно минует и эта напасть. Однако очень хочется посмотреть в честные глаза того из наших придворных недоумков, которому пришла в голову светлая мысль – затеять в честь воцарения нового короля перестройку дворца. Просто взглянуть разок, дабы узреть человека, слишком прямо и просто понявшего известную поговорку о новых метлах...

Пожалуй, стоит объяснить кое-что. Для начала – кто я такой и что делаю в королевском дворце. Все очень просто – я здесь живу. Уже почти два года. За сие печальное обстоятельство следует поблагодарить мою матушку... хотя лучше все рассказать по порядку.

Меня зовут Хальк. Если полностью – Хальк, сын Зенса, младший барон Юсдаль. Наше поместье лежит неподалеку от истоков Ширки, в Гандерланде. Баронство древнее, во всяком случае на картах двух-трехсотлетней давности оно уже обозначено. К нынешним временам оно здорово поубавилось в размерах, но все еще процветает под бдительным

оком моей матушки. Отец здраво предпочел передать бразды правления нашим поместьем ей – так у него остается больше времени носиться со сворой по окрестным лесам, разъезжать вкупе с моими старшими братьями по турнирам и – как бы это сказать? – всемерно способствовать возникновению на нашем генеалогическом древе новых отростков...

Когда-нибудь матушке наверняка надоеет терпеть разнообразные и никогда не повторяющиеся отцовские выходки, и она лично его прикончит. А потом займется моими братишками и ни в чем не отстающими от них сестренками. Ибо, как уже не раз случалось, из любого досадного происшествия в нашей провинции торчат длинные уши кого-нибудь из нашего многочисленного, сколь благородного, столь и непоседливого семейства.

Так вот, однажды баронесса Юсдаль решила, что хоть один из ее отпрысков должен стать образованным человеком. Поскольку своих решений матушка никогда не меняла, а вялые попытки избежать предначертанного бездарно провалились, то пришлось бедной жертве ее далеко идущих замыслов – то есть мне – отправляться из родного дома почти на другой конец света, в Тарантию.

Пять лет, проведенных в Университете, можно считать самыми жуткими, а можно – самыми лучшими годами моей жизни. Смотря в каком я настроении и сколько выпью, когда начинаю вспоминать о них. Огромную грамоту (забранную в неподъемную деревянную раму) выполненную в строгих

черно-алых тонах и свидетельствующую об успешном окончании сего прославленного учебного заведения, я приколотил к стене комнаты, в которой теперь живу. Гвозди длиной с мой палец – специально купил в столярной лавке – и приколочено на совесть. Диплом можно отодрать только вместе с куском стены. До сих пор не могу понять: зачем я это сделал? Видимо, за неимением возможности заменить грамоту кое-кем из числа преподавателей, вволю напившихся моей кровушки.

После окончания Университета я собирался вернуться домой, в Юсдаль. Честно говоря, за пять лет я успел соскучиться по шумной ораве моих братишек и сестренек, а в Тарантии для меня ничего полезного не предвиделось.

Но все сложилось иначе. Неведомые колеса судеб и карьер повернулись, и вместо затерянного в лесах Гандерланда родного поместья я оказался здесь – под самой крышей королевского дворца, в громко звучащем звании хранителя библиотеки. Должности ниже моей занимали разве только дворцовые слуги, повара и конюхи.

Я так и не узнал, почему выбрали именно меня и что случилось с моим предшественником. Впрочем, как раз об этом догадаться нетрудно – каждый день на городских площадях кого-нибудь казнили. Если не по обвинению в государственной измене, то за попытку организации заговора. Как я позже записал на страницах своей хроники: «Государство переживало очередные тяжелые времена.» Впрочем, тяжелые

– это еще мягко сказано. Первые несколько месяцев своего пребывания во дворце я носа не смел высунуть дальше комнат и залов, где хранились свитки и книги – боялся. Вокруг что-то происходило – тихая, неприметная возня, все разговоры велись только шепотом, с оглядкой через плечо и с одной мыслью: не побежит ли твой собеседник доносить в тайную канцелярию барона Гленнора...

Тогдашнего короля, Нумедидеса, я видел всего один раз – на какой-то пышной и до ужаса занудной церемонии. Сейчас-то все наперебой кричат, что он свихнулся на старости лет... Не знаю. Мне Нумедидес показался старым уставшим человеком, которому до смерти все опостылело и которого больше ничто в жизни не способно взволновать или заинтересовать.

Немного освоившись во дворце и вдоволь налюбовавшись на творящиеся здесь безобразия, я неожиданно для самого себя начал вести летопись. Если бы меня на этом поймали – место дворцового библиотекаря уже назавтра вновь бы стало свободным. Но мне везло, все были по горло заняты своими делами и никто не обращал внимания на мои постоянные шатания по всему дворцу – от королевской приемной до казарм – и бесконечные расспросы.

Я знал, что моя летопись неправильная... да и не совсем законная, если честно. Настоящие, предназначенные для будущих правителей и ученых историков, ведутся официально назначенными хронистами либо настоятелями при главных

храмах Митры. А я сидел в запущенной библиотеке, писал на вырезанных из старых книг и дочиста выскобленных листах пергамента свою хронику и наплевать мне было на все и на всех. Как потом выяснилось, у меня получилась история печального конца древней династии королей Аквилонии.

Сам не верю, когда перечитываю – неужто я оказался настолько предусмотрительным, решив записать все это? Мне уже предлагали за список с летописи две сотни золотом, но я подожду – пускай поднимут цену до трех, а там поговорим. В конце концов, мне это повествование обошлось намного дороже, чем несколько десятков золотых кругляшек!

Бедная моя мамочка – она-то до сих пор убеждена, что младший сыночек сумел пристроиться на теплое местечко и более-менее успешно делает карьеру... Как же! В нас, баронах Юсдаль, с рождения кроется стремление вмешиваться во всяческие неприятности. И я, к сожалению, не являюсь исключением. Правда, я доньше не сумел угодить в качестве участника в какой-нибудь заговор, однако надежды не теряю. В конце концов, у меня еще все впереди, в стране совсем недавно произошел самый настоящий государственный переворот и кто может сказать, чем все закончится?.. Боги, может, и знают, но предпочитают помалкивать. Ну и ладно, сами как-нибудь разберемся, не впервой.

Вот только прекратили бы эти ослы грохотать молотками под самым моим окном! Разбудили в такую рань! А у меня несносно голова болит... От чрезмерного умственного

напряжения вчерашним вечером. Кажется, я молот языком больше обычного.

Хотя нет, стучат не во дворе. Кто-то с утра пораньше упорно молотит в мою дверь, всерьез задавшись целью сорвать ее с петель. Интересно, кому и зачем я понадобился?

* * *

Сегодня утром мебель явно прониклась ко мне внезапной и ничем не объяснимой нелюбовью. Только этим я могу оправдать то плачевное обстоятельство, что пол раскачивался во все стороны, а когда я попытался обогнуть стол, он почему-то начал брыкаться всеми четырьмя ножками... Или восьмью?

Свалив по пути еще что-то, со звоном разбившееся, я все-таки добрался до дверей. Верно люди говорят: настойчивость – залог успеха. С третьей попытки я нашел ручку и с трудом вспомнил, в какую сторону нужно толкать створки. Когда я наконец открыл дверь, то готов был прикончить на месте любого, кто околачивается с той стороны.

В коридоре, с обычным для него несчастным видом, стоял Рэдви, а потому я временно отложил мысли об убийстве.

Рэдви – паж, один из многочисленной и почти бесполезной своры этих слегка бестолковых и не в меру проказливых

мальчишек. В его обязанности входит сообщать королю обо всех назначенных на сегодня визитах, выполнять мелкие поручения придворных и вообще всегда быть готовым в любой миг помчаться куда угодно. Рэдви от силы лет шестнадцать, его пристроили сюда влиятельные родственники и он ужасно всего пугается. Чем-то он напоминает меня же самого в начале пребывания здесь, а потому мне порой становится его жаль. Где-нибудь через годик он либо обвыкнется, либо сбежит из дворца раз и навсегда. А нынче Рэдви – просто ходячее воплощение неудачливости, шарахающееся от каждой тени. Со всеми сваливающимися на него трудностями он почему-то тащится ко мне. Вот и говори после этого, что нужно помогать ближним своим! Да они, эти самые ближние, с радостью сядут тебе на шею и еще погонять будут!

– Чего тебе, Рэдви? – это было все, что я смог членораздельно выдать из себя. Рэдви попятился, глядя на меня с плохо скрываемым ужасом, и робко проговорил:

– Д-доброе утро...

Ничего себе доброе! Сначала грохочут над ухом, потом поднимают с постели! А терпение даже у меня не безгранично...

Наверное, Рэдви сообразил, что я зол и раздражен, а потому быстренько перешел к цели своего появления.

– Ты не знаешь, где Его величество?

«Поздравляю, барон Юсдаль-младший, ты стал самым влиятельным человеком в государстве! – мне ужасно захо-

телось рассмеяться. – Тебя будят только ради того, чтобы спросить, где сейчас король!»

– Понятия не имею, – любой придворный обязан уметь врать, сохраняя на лице самое искреннее из доступных ему честных выражений. Это первое, чему приходится обучиться для спокойной жизни в здешнем зверинце. – А что стряслось?

Глубоко ошибаются люди, считающие, что лучше всех о положении в королевстве осведомлены правитель и его приближенные. Да, они творят так называемую «политику», плетут заговоры и строят каверзы друг другу, но лучше всех жизнь во дворце знаем мы, неприметные и не замечаемые никем личности – пажи, слуги, стражники дворцовой гвардии, придворные пониже рангом... Порой мы узнаем о грядущих изменениях в мирной жизни страны едва ли не раньше, чем находящиеся на вершине власти успевают об этих самых изменениях подумать.

Вот только мне до сих пор не удалось вызнать, куда же в прошлом месяце исчезал наш король. Пропадал он дней десять, и, судя по некоторым приметам, побывал где-то на полуночных границах. Кстати, сразу после его возвращения частично снизили налоги – верный признак того, что казна изрядно пополнилась. С ним ездил кое-кто из дворцовой гвардии, но, к моему величайшему сожалению, мне не удалось из военных и слова вытянуть. Хорса, доверенное лицо короля, занимающий должность дворцового распорядителя,

тоже молчит, как пикт на допросе. А Хорса, между прочим, гандер. Так что мог бы и поделиться интересной новостью с соплеменником!

Как же... Хорса никогда и никому не поверяет своих секретов, особенно если они хоть немного касаются тайных дел правителя страны. Меня же он считает чрезмерно легкомысленным, болтливым и вообще слегка презирает, что, впрочем, не мешает ему выпивать за мой счет. По мнению Хорсы, я – зарвавшийся аристократ и книжный червяк, по уши погрязший в пыльных свитках и пергаментях. На дуэль его вызывать, что ли, чтобы не слишком задавался? И нечего мне тыкать в нос моей же голубой кровью и благородным происхождением! Сам Хорса, между прочим, гандер лишь на треть, а все остальное у него от нордхеймцев. И короля он величает каким-то варварским словечком – «конунг». Где он только его раскопал?

В том, что я пропустил эти десять дней, если честно, винить некого, кроме самого себя. В стране царили такие тишина и благолепие, что я решил: ничего страшного не случится, если королевский летописец на некоторое время исчезнет из Тарантии. И с чистой совестью отправился навестить одну старую знакомую, к которой давным-давно обещал приехать в гости, да все не мог собраться... Конечно, стоило мне ненадолго уехать, и сразу же стряслось нечто достойное внимания!..

В общем, я сразу забыл и о головной боли, и о вчерашней

вечеринке. Рэдви по чьему-то поручению с утра разыскивает короля – с чего бы это?

– Да ничего интересного, – парень еще не свыкся с простой мыслью, что во дворце не может происходить вовсе ничего неинтересного. – Приехал какой-то мелкопоместный барон из Гандерланда. При нем несколько человек свиты и охраны. Притащили с собой здоровенную клетку. Говорят, поймали невиданного зверя и просят позволения представить его королю...

Я могу простить Рэдви многое – в конце концов, он пока не слишком хорошо знает порядки придворной жизни. Но не снисходительный тон и фразу «какой-то барон из Гандерланда»...

Как только что упоминалось, я сам гандер. Мы, конечно, приняли руку Аквилонии и считаемся провинцией королевства, но это никому не дает права безнаказанно насмехаться над нами. Кроме того, в последнее время расплодилось слишком много наглецов, на всех углах трещащих о том, что слова «гандер» и «неотесанная деревенщина» – суть равнозначны. А таковых умников необходимо ставить на подобающее им место.

– Из Гандерланда, значит? – кажется, мой голос прозвучал достаточно равнодушно. – А откуда именно – не знаешь?

– Не-а, – Рэдви помотал головой и простодушно добавил: – Они так разговаривают, что и двух слов не разберешь. Чурбаны чурбанами...

Честное слово, не хотел я его обижать... да еще с утра. Рэдви сам напросился.

— Ладно, если увижу короля, я непременно передам. Кстати, ты к пуантенцам заходил? У герцога Просперо спрашивал? Нет? Ну, так чего же ты ко мне примчался? Бегом марш туда!

Рэдви, рассыпаясь в благодарностях, убежал, а я вернулся в комнату. Маленькая, но такая сладкая месь. В следующий раз будет умнее. Интересно, что с ним сделает Просперо? Он ведь тоже был на вчерашней маленькой вечеринке и так же мается... Только у него обхождение с утренними незваными гостями не такое мягкое, как у меня. Бедный Рэдви!

Теперь я уже окончательно проснулся. Начинался новый день, и меня ждала обычная дворцовая суматоха. Нужно было срочно решать, что делать с полученной новостью — как-то использовать или приберечь на будущее. Кроме того, мне хотелось завтракать, но между возможностью узнать нечто новенькое и хлебом насущным я всегда выбираю первое. Значит, остается лишь быстренько одеться и можно бежать вниз, за точным выяснением всех обстоятельств — кто приехал, откуда, зачем и что именно привез. После, разузнав все, что меня интересует, я с чистой совестью отправлюсь докладывать королю. Там заодно и перекусим. Я его подданный или нет, в конце-то концов? Если да, то меня обязаны накормить!

Рэдви я, разумеется, наврал. Я отлично знал — или мог

с уверенностью утверждать – где в этот момент находится правитель нашей многострадальной страны. Просто было бы жестоко заставлять и без того чрезмерно занятого короля начинать день с похмельной головой и пустым желудком. «Никакие государственные дела не стоят хорошего обеда», – это не я сказал, а сам Конан, и здесь я с королем полностью согласен.

Кроме того, я вчера клятвенно обещал, что без особой необходимости никому не скажу, где на сей раз изволит дрыхнуть его величество. А таковой необходимости я сейчас что-то не заметил. Так что госпожа Эвисанда может быть довольна – утром ее не потревожат...

Ах да, Эвисанда. Пожалуй, без нее рассказ будет неполным. Графиня Аттиос, леди Эвисанда, наша ночная королева. Графиня – местная уроженка, где-то в Тарантии даже обретается ее законный супруг, не осмеливающийся показываться при дворе – засмеют. Леди около тридцати лет (хотя выглядит она намного моложе); это высокая блондинка из числа тех, кого сочинители душещипательных песенок именуют «златокудрыми», фигуристая, со всеми положенными выпуклостями и изгибами, и серыми глазами. Когда госпожа Эвисанда проходит по коридору, даже у Драконов – королевской стражи – головы непроизвольно поворачиваются ей вслед. Не говоря уже обо всех прочих.

Эвисанда очень умная женщина. Это я сам сообразил, исходя из того, что уже миновал конец лета и наступила осень,

а госпожа графиня донныне обретается во дворце и отнюдь не собирается покидать нас. Кончено, время от времени в королевских покоях появляются и другие красотки, но рано или поздно они исчезают, не продержавшись и десяти дней... Эвисанда же остается. По-моему, она изо всех сил рвется к тому, чтобы стать из ночной королевы самой настоящей. Могу ей только посочувствовать – занятие это безнадежное. А вообще графиня Аттіос – очень милая женщина.

* * *

Хранилище рукописей и книг с примыкающими к ним принадлежащими мне жилыми комнатами находится наверху, на третьем этаже дворца. Я считаю, что это очень удобно. Во-первых, оттуда можно быстро пройти в северное жилое крыло, занимаемое нынче королем и его свитой. Во-вторых, я всегда могу без труда попасть во внутренние дворы, где расположены казармы и всегда происходит что-нибудь любопытное. И в-третьих, в силу неведомых законов все дворцовые слухи и сплетни, подобно теплему воздуху над костром, поднимаются наверх, слетаясь опять же ко мне. Недостаток у верхних покоев только один – их выстроили слишком давно, потолки низкие и коридоры слишком часто внезапно поворачивают, предоставляя прекрасную возмож-

ность со всего размаха врезаться в идущего навстречу.

Собственно, в этих коридорах и произошла моя первая встреча с нынешним правителем государства... Она мне до сих пор снится в кошмарных снах.

Около четырех месяцев назад, в конце весны 1288 года от основания Аквилонии, в стране творилось нечто совершенно непонятное. Пуантен и Боссон бунтовали, их объединенное войско продвигалось к столице, пикты на границе вдоль Черной реки резали поселенцев и жгли форты, король начисто устранился от всех дел и целые дни проводил в тронном зале. Вот тогда и пошла гулять байка, что Нумедидес сошел с ума... Но я считаю иначе. Он знал, чем все закончится, и просто терпеливо ждал. Ждал своего неизбежного конца.

Дела во дворце и столице обстояли ничуть не лучше. Придворные и слуги частью разбежались, частью попрятались, дворцовая гвардия на все нарушения порядка смотрела сквозь пальцы... Все чего-то ждали. Мне бежать было некуда – Гандерланд далеко, на дорогах опасно да и лошадь раздобыть негде – и, кроме того, я хотел досмотреть все до конца. Летопись росла с ужасающей быстротой и, поколебавшись, я купил тогда по случаю толстенную подшивку листов пергамента, переплетенных в свиную кожу, выкрашенную почему-то в ярко-синий цвет. В синий – так в синий, зато писать стало гораздо удобнее и не требовалось больше выискивать в хранилище чистые листки или воровать их в канцелярии.

В тот день я с утра пораньше сбежал из дворца и отпра-

вился в город. По случаю возможных беспорядков и военных действий занятия в Университете отменили, мающиеся от безделья студенты расползлись по кабакам и трактирам, поглощая в огромных количествах дешевое вино и пытаясь додуматься, что еще новенького стрясется. Было тревожно и душно, словно перед наступающей грозой.

Я так и не смог ничего толком разузнать. Кто говорил, что совсем неподалеку видели отряды пуантенцев, кто предлагал идти штурмовать дворец, но все сходились в одном – сегодня непременно что-то произойдет. Я до вечера просидел в «Белом коне» – любимом студенческом кабачке, слушая последние новости, сходил на городскую стену, посмотрел, как закрываются на ночь огромные ворота, а потом всерьез задумался – вернуться во дворец или остаться на ночь в городе? Дворцовая крепость казалась настороженной ловушкой, но, если сегодня там случится нечто важное, а я этого не увижу и не узнаю – никогда себе в жизни не прощу!

И я вернулся. Как оказалось позже – это было верным решением.

Почти до наступления сумерек пришлось проторчать перед входом, доказывая оставшейся без четких указаний, а оттого более злобной, чем обычно, страже, что я имею полное право войти. К тому времени, когда меня, наконец, впустили, окончательно стемнело. Дворец производил впечатление вымершего – из придворных я не встретил никого, а сторожевые посты на этажах и в коридорах пустовали через

один. Стражники околачивалась только у дверей тронного зала, но, судя по тоскливому выражению их лиц, их так и подмывало временно позабыть о клятве верности стране и королю да сбежать куда подальше. Заглянуть в зал мне не позволили, так что я поплелся наверх, к себе.

Для полного счастья выяснилось, что сегодня на верхних этажах темно – ни обычных масляных ламп, ни, на худой конец, факелов. Видимо, кто-то в суматохе позабыл отдать распоряжение, а слуги решили, что так и нужно. Им же лучше – не придется бегать по всем коридорам и зажигать светильники. А мне каково – подниматься вслепую по трем винтовым лестницами и бродить в потемках, разыскивая, где там мои двери?

Первую лестницу я преодолел благополучно, споткнувшись всего пару раз. Теперь предстояло миновать длинный, постоянно сворачивающий коридор, и я попаду ко второй лестнице. Она покороче и не такая крутая.

Вот так я брел, не торопясь, в полной темноте, держась за стену и гадая, что же у нас происходит и куда катится благословенная Аквилония. А за очередным поворотом меня сбили с ног.

Я в жизни так не пугался, хотя с детства привык ни от чего не бегать – иначе у нас, в лесах, не выживешь. Дело в том, что идущих тебе навстречу людей обычно издалека слышно, но сейчас до меня не донеслось ни звука... пока я не врезался в кого-то. Поневоле начнешь думать о демонах или шатаю-

щихся по дворцу призраках. А при том, что творилось в столице в последнее время, я бы не удивился, наткнувшись во дворце на десяток-другой разъяренных привидений, жаждущих крови короля или кого-нибудь из придворных.

К счастью, я вовремя вспомнил, что призраков не существует. Да и сбивший меня человек отнюдь не принадлежал к миру духов. Во всяком случае, я никогда не слышал и нигде не встречал сведений о том, чтобы привидения ругались, будто распоследние пьянчуги в притонах Шадизара...

У кого-то из идущих сзади оказался с собой потайной фонарь и он чуть приоткрыл заслонку. Света было немногим больше, чем от захудалого светляка, но мне вполне хватило... Хватило, чтобы разглядеть кое-кого, кому тут совершенно не полагалось находиться, и понять две немаловажные вещи. Первую – кто бы ни был нашим нынешним королем, к завтрашнему утру он вряд ли будет занимать аквилонский трон, и вторую – если я издам хотя бы звук, я тоже могу смело распрощаться с этой прекрасной вещью, именуемой «жизнь».

В момент серьезной опасности мы все соображаем очень быстро. Я справился с сильнейшим желанием завопить и промолчал. Сейчас было не время изображать верноподданного. Вдобавок, я никогда не относил себя к таковым.

Да, у меня не было причин ненавидеть Нумедидеса. Но оснований быть ему безоговорочно преданным – тоже. Понимаете, я слишком много знал о делах нашего короля и его

приближенных. Если хотите, можете считать меня трусом. Но посмотрел бы я на вас, окажись вы на моем месте!

Рассказывать приходится долго, а на самом деле все заняло несколько мгновений. Ровно столько, сколько мне понадобилось, чтобы подняться на ноги и прижаться к стене, пропуская маленький отряд, неизвестно как проникший во дворец. Они проскочили дальше по коридору и исчезли. Я ни капли не сомневался – они шли убивать. Где ж вы видели, чтобы власть – королевскую власть! – отдавали добровольно? Я – нигде.

На следующий день было все, что полагается: сдержанная паника среди придворных, бесконечные клятвы в безоговорочной верности, флаги, трубы, радостно вопящие толпы на улицах... Но – на следующий. А я никогда не забуду, как несколько человек в полной тишине прошли мимо меня и скрылись в темноте. Какая-то часть моей души требовала, чтобы я пошел за ними, но я в кои веки проявил здравомыслие. Нечего мне было там делать. Я записываю историю, но пока не собираюсь ее создавать. Пусть этим занимается кто-нибудь другой.

Все, на что я решился – спустя некоторое время вернуться к лестничному пролету и послушать, что творится внизу. До меня долетели негромкие спорящие голоса, потом – лязганье вытаскиваемого из петель тяжелого засова и шорох открываемых створок. Этот шорох я очень хорошо изучил – с таким звуком открывалась дверь тронного зала.

Где-то через месяц я из чистого любопытства попытался выяснить, сколько же человек принимали участие в той рискованной вылазке. У меня набралось около полусотни, клятвенно утверждавших, что входили в отряд или показывали путь. Впору писать обширный трактат под названием «Притягательность чужой славы, или О бесславной гибели добродетели смирения».

На самом же деле заговорщиков было не больше десяти. Они попали в крепость через Старые ворота, открытые кем-то из перешедших на их сторону стражников, и сами отлично знали дорогу, предусмотрительно пройдя через пустовавшие верхние этажи. Что произошло потом – и так всем известно... На моих глазах, как это ни высокопарно звучит, творилась история, происходили события, о которых позже будут сложены легенды и предания. Они очень красивы, эти легенды (по крайней мере, те, которые я слышал), но почти ни в одной из них нет и единого слова правды. На самом деле все случилось быстро и тихо, оставшись незамеченным никем из обитателей дворца, кроме некоторых полуночников. И уж конечно, не столь возвышенно, как об этом рассказывают на улицах и перешептываются во дворце.

Так настал конец династии, давшей миру немалое число достойных правителей, не меньшее количество подлецов и просто не слишком умных государей.

Спрашиваете, что теперь? Минуло слишком мало времени, чтобы выносить какие-то определенные суждения.

Плебс, конечно, доволен – для них любой новый король лучше предыдущего, к тому же налоги снижены, на закатных границах наведен относительный порядок, права горожан и крестьян законно подтверждены и даже порой соблюдаются. Дворянство пока пребывает в задумчивости – с одной стороны, благородным надо бы возмущаться тем, что древний трон занят низкорожденным выскочкой из страны, о которой мало кто слышал, с другой – ходит слишком много слухов, достоверно утверждающих, что опасно становиться врагом нынешнего правителя. Вот дворяне и помалкивают, кланутся на словах в верности, а сами выжидают подходящего момента, чтобы устроить свару или переметнуться на сторону того, кто покажется более сильным.

Лично я за время, прошедшее с той памятной ночи, удостоился доноса – оказывается, кто-то пронюхал о моей хронике (отыщу эту болтливую сволочь – убью!). Затем случились вызов к королю, долгий разговор и в итоге, как ни странно, повышение в должности. С того памятного дня я – официальный летописец королевского двора с разрешением совать свой нос во все, что мне покажется интересным, но со строжайшим предупреждением – не злоупотреблять. Тем самым лишний раз подтвердилась старая, как мир, истина: «Жизнь человеческая – воистину непредсказуемая штука!»

Для представителей благородного сословия, ожидающих приема у короля, во дворце раньше было отведено несколько особых залов, а для простолюдинов – выстроено небольшое здание в одном из внутренних дворов. Но с приходом нового правителя порядки, сложившиеся при Нумедидесе, отправились напрямик ко всем известным демонам, а новых пока не придумали. Посему при аквилонском дворе царят радующий глаз беспорядок и полнейшая неразбериха, с которыми в ближайшее время надо срочно что-то делать, иначе дворец превратится в самый настоящий приют для умалишенных.

Вообще же наш король придерживается незамысловатого правила: «Чем меньше церемоний, тем лучше», а потому изо всех сил старается избегать участия в любых официальных ритуалах. С точки зрения здравого смысла это, без сомнения, разумно, но вот с точки зрения укрепления образа высшей власти в глазах плебса и дворянства... Однако всякий раз, когда я или Эвисанда пытаемся завести разговор на тему благочиния, заканчивается он одинаково. Его величество глубоко убежден, что престиж государства ничуть не пострадает, если важные разговоры будут вестись не в продуваемом и холодном зале, где, вдобавок, их легко подслушать, а в каком-нибудь более удобном и подходящем месте. И ему со-

вершенно наплевать, что придворные кривятся и бормочут себе под нос: «варвар»...

Ну, да, теперь королем в Аквилонии варвар. Не больше и не меньше. До сих пор не верится, но так оно и есть. Некоторые утверждают, что это наказание стране за многочисленные прегрешения ее жителей и правителей, другие с пеной у рта доказывают обратное. Я же переписал в хронику приглянувшуюся мне фразу из книги Стефана, Короля Историй: «Благодеяния богов порой трудно отличить от их проклятия», а потому стараюсь на все смотреть непредвзято. Пока получается плохо. В силу многих причин. Мне нравится человек, занимающий сейчас трон Аквилонии, и я его опасюсь. Он слишком похож на непредсказуемое дикое животное. И ему явно не по себе в замкнутом мирке дворца, с его размеренной жизнью и предписанными порядками, отчего он постоянно старается их как-нибудь нарушить. Выдумки же у нового короля с избытком хватает на нескольких человек, отчего и творится у нас в столице безобразие за безобразием...

Со стороны, наверное, кажется – дикарь дорвался до власти и развлекается, как может. Может и так, однако все развлечения мгновенно забываются, когда дело доходит до чего-то действительно серьезного и важного для страны. Думается, постепенно странные королевские выходы окончательно сойдут на нет. А пока придворным остается только терпеть и стараться как-то сдерживать нашего правителя.

Надеюсь, на небесах нам это зачтется. Как подвиг великомуученичества, совершенный во благо горячо любимой родины и самих себя.

Так вот, я веду к тому, что сейчас залы, ранее предназначенные для терпеливо ожидающих посетителей, отдали королевской гвардии. А куда запихнут очередных приезжих – никто толком сказать не может. Потому и приходится обещать все возможные места, да не по одному разу, чтобы отыскать прибывших ко двору. У нас уже загадку сложили – что общего между волком и придворным? Правильно, и того, и другого ноги кормят. Перед другими странами стыдно...

К счастью, на этот раз мне повезло. Я углядел через окно стоящую во дворе клетку и рысью понесся вниз. А добежав, несколько удивился: клетка оказалась здоровенным торговым фургоном на колесах, одну из боковых стен которого сняли и заменили железными прутьями толщиной с палец. Кто находился внутри клетки и был ли там вообще кто-нибудь – мне разглядеть не удалось, ее предусмотрительно и очень тщательно занавесили мешковиной. Рядом стояла вторая клетка, из бронзовых прутьев и поменьше размером, однако вполне подходящая, чтобы затолкать туда не слишком крупного медведя. При условии, что он не будет возражать против пребывания в заточении.

Затем я увидел на фургоне герб владельца. И от души обрадовался. Оскаленная кабанья голова на зеленом поле – баронство Линген, десять лиг вниз по реке, почти рядом с на-

ми! Вот и будут мне сейчас последние новости из дома. Мои родные совсем обленились либо заняты по уши – я уже месяца три-четыре не получал ни единой весточки. Как там обстоят дела в Юсдале? У нас три постоянные напасти – зверье, пикты или киммерийцы. Каждый месяц на наши либо соседские владения обрушивается хоть одна из этих неприятностей, если не две или три одновременно, и наименее опасная и даже привычная из них – звери. С остальными двумя приходится гораздо тяжелее, эти треклятые дикари появляются неизвестно откуда, завязывают бой и так же быстро исчезают, если понимают, что ничего им не выгорит. Даже не грабят, просто налетают и начинают крушить все и всех подряд.

Иногда наш король до боли напоминает мне своих сородичей. Вроде он столько шатался по всем странам мира, и мог бы избавиться от варварских привычек... Хотя я сейчас не могу с уверенностью сказать, не есть ли это показное, предназначенное специально для тех, кто считает нашего правителя туповатым дикарем? Конан ведь гораздо хитрее и благоразумнее, чем кажется на первый, не особо внимательный взгляд.

– Хальк? – оказывается, я уже давно стоял, озадаченно пялясь на занавешенную клетку, и не слышал, что меня окликают. – Хальк, козел тебя забодай, это ты?

Узнаю неповторимую манеру общения. Вот это да! К двору явился сам хозяин Лингена – Омса, по прозвищу Бешеный Бык. В отличие от остальных, мне при взгляде на Ом-

су приходит на ум вовсе не бык, а древний дубовый шкаф, сохранившийся в нашей семье со времен прадедушки. Омса – нечто такое же огромное, неповоротливое и невольно внушающее почтение. А рукопожатие с ним чревато дроблеными костями. Во всяком случае, для меня.

– Нет, ну хоть один нормальный человек попался! – от рева Омсы привязанные неподалеку лошади гвардейцев начали пугливо косить глазами и фыркать. – Слушай, может хоть ты мне скажешь, сколько нам тут торчать? До первого снега, что ли? У меня, между прочим, есть дела поважнее, чем таскаться туда-сюда!

Разговаривать с владельцем Лингена – особое искусство. Перекричать барона невозможно. Потому остается только одно – слушать, не перебивая, а в тот момент, когда он набирает воздуха для следующей фразы, успеть быстро задать интересующий вас вопрос. Если Омса услышит, его новая речь будет развернутым ответом с добавлением его личного мнения и вороха последних сплетен, которые до него дошли.

Таким способом мне удалось узнать, что в Юсдале все благополучно, только два месяца назад на поместье напали пикты и сожгли новенькую лесопилку, а Бэра, одна из моих сестриц, умудрилась выскочить замуж. Причем в лучших традициях семьи она устроила из этого простого действия целое представление с фальшивым соблазнением, побегом и длительной беготней по лесам от разъяренной погони. Все многочисленные участники ловли получили огромное удо-

вольствие. За вычетом нашей матушки, принявшей похищение любимицы за чистую монету и едва не пославшей вдогонку за удравшей доченькой охотничью свору.

Омса уже собирался перейти к описанию свадьбы, когда я успел остановить поток его словоизвержения и направить его в новое русло. Я сказал, что очень рад его видеть (что было правдой), но почему, собственно, господин барон бросил на произвол судьбы дорогой его сердцу Линген и потащился в столицу? Неужели в надежде пристроиться при дворе?

На загадочную клетку я старался не смотреть и вообще усиленно делал вид, что ее здесь нет. Пускай Бык сам переведет разговор на нее. Рано или поздно он это сделает, ведь именно из-за этой клетки ему и пришлось отправиться в свое далекое путешествие.

И тут произошло необыкновеннейшее явление – Омса замолчал. На его физиономии (всегда напоминающей мне морду животного, украшавшего его фамильный герб) появилось выражение, свидетельствующие о неравной борьбе между желаниями поделить секретом и сохранить тайну. Он подозрительно оглядел двор, где околачивалось трое ловчих с его собственными гербами и с десятков стражников из королевской гвардии, уставился на меня, мучительно решая, можно ли мне доверять, затем хриплым шепотом (наверняка слышным на втором этаже дворца) проговорил:

– Слушай, я тут привез... зверюгу. Мы ее возле Ямурлака поймали.

– Ого! – вот тут я был полностью искрещен. Ямурлак – это серьезно. Очень серьезно для людей, знающих, что это такое. – А что за зверюга?

Омса тяжело вздохнул и выдавил:

– Не могу я тебе сказать. Не поверишь. Я и сам не верю, хотя вон оно, в клетке сидит. Слушай, Юсдаль, устрой мне прием побыстрее, а? Ты же можешь, верно? Если мне за эту дрянь заплатят, я тебе десятую долю отдам, только сделай, чтобы нас пустили. Боюсь, подохнет гадина...

– Будет тебе прием, – с моей стороны было несколько самоуверенно разбрасываться подобными обещаниями. Однако при упоминании Ямурлака я всегда начинаю чувствовать себя гончим псом, вставшим на теплый, сладко пахнущий след добычи. – Вон там солнечные часы, видишь? До полудня твой зверь дотянет?

Омса несколько мгновений что-то прикидывал и кивнул:

– Ага. Мы сейчас воды притащим и обольем его, а то этому гаденышу, видите ли, жарко...

– Тогда ждите.

Когда Омса вернется домой, он наверняка будет всю разглагольствовать перед моими ахающими родными о том, каких сияющих высот достиг их пребывающий при королевском дворе сынок. Ошибаетесь, барон Линген. Нету у меня ничего – ни чинов, ни высоких должностей. Только безудержное любопытство. Именно из-за него я сейчас пробегусь по северному крылу дворца, осторожно постучу в дверь

Малой Оружейной и спрошу, нет ли у Его величества времени выслушать меня. И, конечно, нарвусь на задумчивый и не предвещающий ничего хорошего взгляд. Тогда я вспомню, что уже сколько раз обещал не злоупотреблять официальным обращением (я не забыл, просто словно что-то за язык тянет). Я буду долго извиняться, а потом расскажу, что во дворе дожидается аудиенции некий барон Омса из Лингена, о закрытой со всех сторон клетке с непонятным животным, а самое главное – о загадочно-притягательном слове «Ямурлак».

Спорю на что угодно – если у короля не окажется неотложных дел (а их наверняка не окажется...), то Омса попадет на обещанный мною прием задолго до полудня. И вовсе не потому, что король мается от скуки и с удовольствием ухватится за любую подвернувшуюся возможность слегка развеяться.

Глава третья

ЭЙВИНД, ВТОРОЙ РАССКАЗ

**Пограничное королевство,
предгорья Граскааля.**

19-24 дни первой осенней луны 1288 г.

«...Трагическая и необъяснимая гибель поселений гномов, расположенных в горах Граскааль, примерно в тех краях, где сходятся границы Бритунии, Пограничного королевства и Гипербореи, заставила немногих из числа их уцелевших обитателей искать спасения на поверхности, в людских владениях, также изрядно пострадавших от вырвавшихся на поверхность подземных сил. Выжившие гномы устремились на полночь – в уцелевшие поселки своих сородичей в Гиперборее и Эйглофиате, а также на полдень – в Пограничье и Бритунию. Некоторых из них подобрала охотники, промышлявшие в это время в Граскаале, но большинство беглецов погибло, пытаясь в начале небывало холодной зимы преодолеть сла-

висящие своим коварством полуночные горы. Смерть гномов была вызвана не только внезапно налетевшими буранами и разрушением привычных дорог в горах, но и тем невыносимым для подгорного народа обстоятельством, что никто из них не мог дать точного определения обрушившемуся на потомков Вековечного Кователя бедствию. Как они утверждали, это не было проявлением возмущенной стихии или последствием их собственной неосторожности. Некоторые называли произошедшее „Дверью, распахнутой в Бездну“, видимо, имея в виду легенду, гласящую, что под владениями гномов расположен первозданный Хаос...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Я ошибся. Ледяной перевал не завалило, он просто исчез. Как будто его взяли и смахнули с земли. На миг я перестал соображать – в голову ударило, что меня наглухо заперло в этой треклятой долине. Я стоял, трясся и не мог понять, куда мне кинуться, чтобы выбраться на дорогу к дому. Потом успокоился, огляделся повнимательнее и заметил распадок между гор. Раньше его там не было, но какая разница? Я пройду по нему, даже если там грохочет непрекращающийся камнепад. Ведь теперь это единственный выход из ущелья.

Сюда я поднялся за пять дней. Шел не слишком торопясь

– искал следы дрохо, охотился на козленка, лазал смотреть на брошенную шахту. Значит, обратный путь можно проделать дня за три. Вдобавок, теперь придется спускаться, а не карабкаться вверх. Но я устал и не смогу идти полный день. У меня почти не осталось еды. Пещерки с запасом сушняка наверняка завалило оползнями...

Короче, хоть ложись и помирай. Но я все равно пойду. Прадед сумел перейти через Граскааль из Асгарда раненым и с погоней на хвосте, а чем я хуже? Раз мне посчастливилось уцелеть при землетрясении, то обидно сдохнуть потому, что не хватило упрямства выжить.

Главное – подстрелить по дороге кого-нибудь. Козу, снежную куропатку, даже лисицу, пускай от ее мяса тухлятиной воняет. Будет еда – доберусь. Доползу, если потребуется.

После землетрясения что-то случилось с погодой. Дождь, поливший сразу после подземных толчков, так и не прекращался. Воздух стал непривычно теплым для невероятной высоты, куда я забрался. Выпавший прошлым днем снег таял, превращаясь в грязные ручейки, с шумом падавшие в скальные трещины. Я шлепал по смеси грязи, песка и битого камня к замеченному распадку. Если мне не удастся преодолеть его – тяжело будет. Искать новую, обходную дорогу у меня уже сил не хватит. Упаду и останусь лежать. Потом пойдет снег, засыплет меня, а ежели сойдет лавина, то и тела никто в жизни не найдет. Разве что через сотню-другую лет.

Под такие мрачные мысли я даже не заметил, как пересек

долину и начал спускаться по распадку. По его дну бежала быстрая мутная речка, к счастью, мелкая. Над речкой плыл еле заметный пар – вода в ней была горячая.

Распадок, растянувшийся на две-три лиги, заметно снижался. В одном месте пришлось перебираться через преградивший дорогу оползень, потом – обходить груду ставших ноздреватыми огромных валунов со следами облизывавшего их яростного пламени.

Темнело, а я все брел и брел. Длинное узкое ущелье закончилось, перейдя в какую-то долину, загроможденную камнями. Я ее не знал, но, по моим расчетам, где-то неподалеку должен быть проход в Шепчущее ущелье. Искать его сейчас было бесполезно – в наступающей ночи только безумец будет носиться по горам, рискуя свернуть шею. Я забрался под скальный карниз, запретив себе думать, что он может обрушиться, пожевал оставшегося сырого мяса и, как ни странно, задремал.

Снились мне разрушающиеся горы, далекое зеленое зарево над вершинами Граскаала и злобно шипящая дрохо. Всю ночь напролет.

Почти с рассветом я проснулся. Было холодно, неудобно и очень хотелось есть. Одно хорошо – новых толчков ночью, похоже, не случилось, и дождь кончился. Шевелиться, а тем более куда-то идти вовсе не хотелось. Некоторое время я ругался сам с собой, твердя, что надо вставать и идти, а потом обнаружил, что уже бреду по долине.

Судя по солнцу, вчерашний распадок вывел меня на полночь от Шепчущего, однако не слишком далеко. Если смогу перевалить через гряду слева от меня – попаду в знакомые края. Надо только разыскать место пониже, чтобы перебраться...

Есть хочется – сил нет!

И, как назло, ничего живого вокруг. Конечно, все звери разбежались. Может, дрохо потому и не совались вниз, что предчувствовали землетрясение? Но тогда наши поселковые собаки тоже бы беспокоились. И оборотни наверняка бы предупредили, если в горах что-то должно было стрястись... Они хорошо чувствуют приближение опасности.

В середине дня я все-таки свалился. Лежал, ткнувшись мордой в талый снег и почти выл от отчаяния. Умирать не хотелось, но и сил идти дальше не осталось.

Где-то надо мной с тихим шорохом посыпались мелкие камешки. Затем что-то глухо цокнуло – костью о камень. И еще раз, и еще. Звук приближался, и я медленно поднял голову – посмотреть.

По склону между валунами осторожно пробиралась серая горная коза. Пепельная шубка тускло блестела на солнце, черные витые рожки отклонились назад, глаза опасливо косились по сторонам. Как и зачем она сюда забрела – не знаю. И знать не хочу. Главное – она здесь и на расстоянии выстрела. Если только я сумею незаметно снять со спины лук, набросить тетиву, а потом еще натянуть его и выстрелить. И,

конечно, попасть.

Издалека, наверное, меня можно было принять за камень. Прошедший дождь прибил все запахи к земле, и коза меня не видела и не чуяла. Она шла, тщательно выбирая место, куда поставить точеное раздвоенное копытце, и принохивалась. То ли искала кого, то ли сама потерялась.

Первую стрелу я потратил впустую. Промахнулся почти на три шага, угодив в камень. Коза вздрогнула, тряхнула головой и большими прыжками понеслась вверх по склону. Я выстрелил ей вслед, даже не надеясь на удачу.

Коза споткнулась, сделала еще пару неуверенных скачков и упала на передние ноги. Что-то отчетливо хрустнуло. Она вскочила, попыталась убежать, но оступилась и покатилась вниз. Прямо ко мне.

Разумеется, костер разводить было не из чего. Ну и наплевать. У меня теперь есть мясо, а в Шепчущем ущелье отыщется хоть пара кустов или чахлых горных сосенок. Я выживу и обязательно дойду домой.

Теперь я даже зашагал быстрее, пусть и приходилось взбираться вверх по каменистой и разъезжающейся под ногами осыпи. Взобравшись на гребень, я заглянул в соседнюю долину. Шепчущее.

Я глазам своим не поверил, но это в самом деле было Шепчущее. Оно почти не изменилось. Только ближний ко мне конец долины провалился в новую расселину, несколько приметных камней сорвались со своих мест и раскатились

повсюду, а речку запрудило осыпью и она разлилась. Сосновая рощица на дальнем склоне тоже уцелела. Будет мне сегодня костер и жареное мясо!

Прикинув, сколько времени осталось до темноты, я решил, что вполне успею спуститься вниз и даже добраться до сосен. И запрыгал по склону, огибая камни и стараясь не поскользнуться. Подумаешь, землетрясение! Главное, чтобы дома все было в порядке.

Я спустился уже до половины, когда заметил что-то непонятное. Я сначала не сообразил, что это такое, а потом вспомнил. Шахта. Брошенная шахта гномов, в которой я нашел зеленый камень. Я его не потерял, он по-прежнему лежал в кармане. Наверное, он все-таки счастливый...

Из шахты поднимался к низкому небу толстый крутящийся столб серо-коричневого дыма. У его основания мелькали красные сполохи. Даже здесь, в хорошем перестреле от колодца, чувствовался резкий запах горелого дерева и раскаленного железа. Наверное, землетрясение изрядно попортило гномские пещеры. Если наверху так трясло, то что же творилось внизу? Может, все гномы там погибли?

Мне представилось, как я бегу по какому-то узкому коридору с низким потолком, а потолок все опускается и опускается, позади меня все пылает и рушится, и впереди тоже. Наверху хоть можно попробовать убежать, а под землей как-ково? Не повезло гномам...

Еле различимый темный предмет возле среза шахты ше-

вельнулся. Сначала я подумал – из-за дыма показалось, потом присмотрелся и понял: в самом деле шевелится. Налетевший ветер отбросил дымную пелену в сторону, и я четко увидел, что лежит на краю колодца.

Рука. Рука, судорожно вцепившаяся в острые грани каменных осколков. На миг мелькнула вторая, попыталась ухватиться за подвернувшийся камень, выворотила его из земли и исчезла.

Кто-то пытался выбраться из шахты.

Не знаю, откуда взялись силы, но мчался я вниз по склону не хуже горной козы, удирающей от барса. Я бежал и видел, как рука медленно, палец за пальцем, разжимается, соскальзывает, и все ярче полыхают языки горящего под землей огня.

Вообще-то не мог я всего этого видеть, да тем более на бегу. Но знал, что это происходит. И думал только об одном – не подвернулся бы под ноги предательский камень. Добежать, успеть, ну еще чуть-чуть...

Я все-таки грохнулся. Шагах в двух от колодца. С размаху пробороздил каменную крошку, как плуг – свежую землю, выбросил вперед руку и обхватил запястье того, кто висел над колодцем.

Он оказался на редкость тяжелым. Я чуть не отправился вслед за ним, но успел упереться другой рукой в стенку колодца напротив. Мое счастье, что провал был не слишком большим – около шага в поперечнике. Мельком я гля-

нул вниз и решил, что впредь не стоит этого делать. На дне шахты бушевало мохнатое оранжево-багровое пламя. Оно казалось живым и стремилось вырваться наружу, выбрасывая длинные косматые плети. Доски, перегораживающие колодец, прогорели и рухнули. Я даже не мог представить, как этот тип, болтавшийся сейчас над огнем, сумел вскарабкаться так высоко.

Еще мне слышалось, что там, внизу, кто-то надрывно кричал. Наверное, так оно и было...

Валивший из жерла шахты дым из коричневого стал черным и до ужаса едким. Я закашлялся, зажмурился и едва не выпустил руку неизвестного. И тут же заорал в голос. Честное слово, он вцепился в меня, точно клещами. Значит, еще живой.

И я потащил его наверх. В какой-то миг подумалось, что рука сейчас оторвется по плечо и улетит в хлопочущий огненный водоворот вместе с этим типом, которого я пытаюсь спасти. А я отправлюсь следом за ними.

Внизу протяжно ухнуло и затрещало, точно подсеченное дерево упало. Ревущее пламя взвилось почти до самого края колодца, подпалив неизвестного и слегка мазнув по мне. Я рванул изо всей оставшейся силы и сумел до половины выдернуть неизвестного из шахты. Он забился, как рыба на берегу, и пополз вперед, так и не выпуская моей руки. Я тоже пополз – подальше от колодца, в котором бушевал настоящий ураган из огня. Эдакий маленький вулкан.

Мы успели обратиться от бывшего рудника от силы шагов на двадцать, когда из шахты вылетел град раскаленных камней, больших и маленьких, а за ними взвился огромный столб огня. Он рассыпался на отдельные струи, потом что-то загрохотало и колодец обрушился внутрь себя. Остался только неглубокий провал, засыпанный щебнем и песком, сквозь щели между которыми пробивались струйки черно-грязного дыма.

Незнакомец наконец разжал хватку и отпустил меня. Мы сидели на засыпанном пеплом и гарью снегу, пыхтели, как загнанные насмерть кони, а глубоко под нами гибло подземное поселение.

Наконец, вылезший из шахты тип с трудом поднял голову, уставившись на меня почти безумным взглядом.

– Ты кто? – еле слышным шепотом прохрипел он.

– Эйвинд. Эйвинд из Райты – я обнаружил, что говорю ничуть не лучше.

– Уходи отсюда, – отчетливо и требовательно выговорил он. – Уходи. Быстрее. Все кончено.

Он произнес это и грузно повалился на бок. Я наклонился над ним – неужели умер? Нет, он дышал. Тяжело, с бульканьем и свистом, но дышал.

Вот только как я его не тряс и не пытался привести в себя – он не отзывался.

Уже потом, вечером, до меня дошло, кого я вытащил из горячей шахты. Об этом сразу можно было догадаться, но у меня голова была другим занята. Ну кто еще мог вылезать из-под земли, как не гном?

Конечно, гном. Раза в два меньше меня ростом, а весит едва ли не больше. Длинная бородища, черная с проседью, наполовину обгоревшая и завившаяся от жара мелкими кольцами. Похоже, ему здорово досталось – уже и ночь наступила, а он все лежит, как мертвый. Я сижу, прислушиваюсь – дышит, а очнуться не может.

Ночевали мы неподалеку от обвалившегося колодца, в сосновой роще. Я жег костер, жарил прихваченные с собой куски козьего мяса и думал. О том, мне теперь быть. Бросить гнома я не могу – зря спасал, что ли? – а тащить на себе эдакую тушу ничьих сил не хватит.

Надумалось мне вот что. Я, когда из Райты уходил, захватил с собой лыжи. Короткие, широкие – как раз пройти по глубокому снегу. Одну лыжу я где-то потерял, другая осталась. Попробую завтра из нее санки смастерить. В носке у лыжи дырка проверчена, веревка у меня с собой есть – можно будет волочить за собой. Тяжеловато, конечно, придется, но все лучше, чем гнуться в три погибели.

Гнома я подтащил поближе к костру. Он приоткрыл глаза, посмотрел мимо меня и снова не то заснул, не то просто не хотел ничего и никого видеть. Это и понятно – там, внизу, наверняка остались другие из его рода. Что же там у них случилось? Может, и землетрясение от них было? Почему гном требовал, чтобы я ушел, и сказал, что все кончилось?

Так ничего и не поняв, я подбросил дров в костер и заснул. На этот раз – без снов.

...Следующие не то два, не то три дня я не запомнил. Я шел куда-то вниз, таща за собой наскоро сооруженную из толстых веток, единственной моей лыжи и веревок волокушу. С неба сыпался мелкий снежок, и чем ниже мы спускались, тем становилось холоднее. Пару раз мне удавалось подстрелить горных зайцев, тощих и поджарых. Гном вроде бы очухался, начал есть, но идти сам не мог – что-то у него с ногами случилось. Он по-прежнему молчал, и я тоже держал язык за зубами – на ходу особо не разговоришься.

Утром не знаю какого дня мы взобрались на Шепчущий перевал. В хорошую погоду я уже отсюда видел пушистые темные хвосты, поднимавшиеся из труб. Сегодня все было затянуто сеткой кружащихся снежных хлопьев, и, сколько я ни вглядывался, не разглядел ни единого дымка.

Почему-то мне казалось, что я ничего бы и не увидел...

Я так торопился вернуться, а сейчас неожиданно для себя остановился на седловине над моей деревней. Мне не хотелось идти туда, вниз. Просто не хотелось. Я был уверен – ес-

ли я спущусь и войду в Райту, то никогда уже не стану собой прежним.

И все же я дернул санки за растрепанную веревку и медленно побрел по засыпанной снегом тропинке в долину.

Поселок никуда не делся. Темные очертания домов отчетливо просматривались сквозь мелькающую белую круговерть. Я вышел на берег Гремячей, мимоходом удивившись, отчего пересохла наша во все времена года бурная река. Не иначе, как в верхнем течении оползнем накрыло.

В черных срубах домов не горело ни единого огонька. Да и людских голосов не было слышно. Только тихий шелест падающего снега. Я уже знал, что случилось что-то непоправимое, что надо бы бежать отсюда, сломя голову, но не мог.

Санки зацепились о что-то, замеченное снегом, и остановились. Я попытался перетащить их через преграду, не сумел и дернулся в сторону, разворачиваясь. Лежавшая на земле вещь показалась мне смутно знакомой. Я выпустил веревку, подошел к длинному темному камню и ладонями смел с него снег. Камень неожиданно оказался покрытым заиндевевшей шерстью.

Это был младший из мальчишек-оборотней. Мертвый. Он умер три, если не четыре дня назад. Не от удара камнем при землетрясении, а словно бы задохнулся... Он лежал, как упал – вытянув лапы и оскалившись, точно пытался догнать кого-то. Когда я до него дотронулся, волчонок был холодный и весь какой-то окаменевший.

Какое-то время я просто пялился на труп маленького оборотня, не понимая, что на что смотрю. Потом встал и побрел к близким домам. Я забыл в тот миг и про санки с гномом, и про мертвого волчонка. Только что видел – и позабыл.

Издалека казалось, что с деревней ничего не случилось. На самом деле это было не так. Некоторые дома покосились, у других сорвало крыши и двери, третьи выглядели еле стоящими, будто вот-вот раскатятся по бревнышку.

А людей не было. Никого. Тишина, темнота и ни одной живой души.

Я прошел через всю Райту и, свернув, выбрался через проулок к нашему дому над рекой. Он оказался на месте. Только гляделся слегка завалившимся вбок. Я заглянул внутрь и зачем-то позвал: «Отец? Мама? Лив?...»

Никто не ответил. Дом стоял чужой, пустой и холодный. За несколько дней ветер нанес в распахнутую настежь дверь и разбитые окна снега.

«Конечно, они ушли! – неожиданно решил я. – Это ведь так просто! После землетрясения все ушли! Наверное, в Хезер. Я еще сумею их догнать!»

Ушли, да... Не взяв ничего из домов. Весь поселок собрался и, как один человек, отправился за пять лиг в Хезер. С маленькими детьми и еле живыми стариками. Пешком. Зимой. Да перестань нести чушь! Здесь что-то случилось. Что-то, от чего умер мальчик-волк и пропали все жители. И случилось это, похоже, сразу после того, как пере-

стал сотрясаться Граскааль. Ведь дома остались целы, хотя и повреждены. Но куда, куда подевались люди?

Я не решился зайти в дом. В дом, где я вырос. Какой-то он теперь был другой. И вовсе не потому, что в нем три или четыре дня никто не жил. Мне показалось, что он... грязный, что ли. И вообще все здесь, в Райте, было грязным. Испорченным, траченным молю и плесенью. Ни до чего не хотелось дотрагиваться, а больше всего – удрать отсюда со всех ног.

Но куда разом сгинули все жители моей деревни?! На небеса вознеслись, к Митре?

Я еще немного потоптался на пороге ставшего чужим дома, не представляя, что делать. Внезапно вспомнил об оставленных санках и о трупe оборотня, и решил – загляну в дом полуволок. Если и там ничего нет – пойду отсюда. Все равно куда. Только чтобы не бродить больше по пустому, ровно вымершему от чумы, поселку.

Дом оборотней стоял, где и всегда – на пригорке, под древней, раскидистой сосной. И хозяева лежали здесь же. Все, до одного. Как мальчишка на окраине – задохнувшиеся в последнем прыжке. Что странно – все они выглядели волками. Не людьми. Даже Старший, который никогда в жизни не превращался.

А за их жилищем, в пересохшей низине, где летом Гремячая разливалась в мелкое озерцо, темнел огромный провал в земле. Словно кто-то вывернул лопатой часть гранитной

скалы, небрежно присыпал разлом землей, щебнем да снегом и ушел. Трещина, нелепо-черная на белом свежавыпавшем снегу, зигзагом пересекала бывшее русло реки, утыкаясь в нависающие над деревней горы.

Когда я увидел этот провал, у меня точно что-то в голове сдвинулось. Я понял, что все это мне не снится, не кажется – оно есть на самом деле. И, кажется, закричал. Наверное, я очень долго кричал. А с низкого неба все падал и падал мокрый снег...

Почему-то я был твердо убежден, что мне надо дойти до трещины в земле. Дойти и заглянуть вниз. Неважно, что я там увижу, мне надо это сделать.

Внизу не оказалось ничего интересного или необычного. Камни, смерзшийся песок, грязь, тающий снег. Здесь ничего не копали, просто земля просела и получилась эта странная и страшная трещина.

А шагах в десяти от нее лежал полузасыпанный снегом человек. Я сразу его не заметил, но, когда сообразил, что это – не сугроб и не запорошенный камень, бросился откапывать. Даже если он уже давно мертв, может, я пойму, что послужило причиной смерти. Не землетрясение же, которое сюда почти не дошло?

Человек лежал на спине. Я отгроб в сторону снег, перевернул его... и понял, что сейчас точно сойду с ума.

Не человек это был. И не оборотень. И не животное. Вообще не знаю что.

Она, эта тварь, была почти прозрачная. Внутри у нее виднелись свернутые кишки и еще что-то, темно-красного цвета. Вместо лица — какая-то жуткая мешанина, рот и нос съехались вместе, уши прижались к голове, глаза сузились до щелок, а зубы вообще куда-то пропали...

И все же эта дрянь когда-то была человеком. На ней остались лохмотья одежды, и ростом она была с человека, и руки-ноги у нее имелись. Хотя на руках выросли плоские кривые когти, еле заметно светившиеся...

Ел я давно, утром, и все равно стошнило. Прямо на эту пададь.

...Когда я приковылял обратно, гном сидел на санках и безучастно смотрел на опустевшую деревню. Кажется, он меня не заметил. Ну, и неважно. Мне нужно было довершить кое-что, прежде чем отправляться в дорогу. Я обошел почти все дома, кидая внутрь подожженные тряпки, смоченные в масле. Бутыль с маслом я нашел в одном из сараев.

Над избами в дальнем конце Райты уже плыл черный дым, прорезаемый язычками разгорающегося пламени. Дома горели плохо, но лучше сжечь их, чем оставлять все, как есть. В Асгарде мертвых не кладут в землю, а сжигают...

Это было единственное, что я мог сделать для моего поселка.

Во дворе какой-то избы огонь добрался до запасенных на зиму дров и радостно взметнулся, перебрасываясь на соседние дома.

– Пойдем? – неожиданно спросил гном, не глядя в мою сторону. Голос у него был усталый и равнодушный.

– Пойдем, – отозвался я. – Вот займется как следует – и пойдем...

Куда пойдем – я понятия не имел. Разве что в Хезер. Или прямиком на Поля Мертвых.

* * *

Я плелся вверх по тропе, ведущей к перевалу и дороге на Хезер, и жалел об одном – что моя голова оказалась слишком крепкой. Если б я действительно тронулся умом – наверное, бы было гораздо легче. Кажется, что проще – пережить землетрясение в горах, вернуться домой, не найти там ни единого человека, а только тела оборотней и какую-то непонятную тварь – и свихнуться. Носился бы себе по окрестным горам, пугал коз дикими воплями... Глядишь, навернулся бы в трещину – и дело с концом.

А вместо этого я бреду почти по колено в снегу и волочу за собой эти треклятые санки, весящие не меньше двух-трех тяжелых валунов. И есть по-прежнему хочется. И спать. Да что же я за человек такой – родни лишился, а сам думаю, где бы пожрать раздобыть?

Обыкновенный человек. Эйвинд, сын Джохы, из более

не существующей деревни Райты, что на Медвежьем холме близ Граскааля в Пограничье. Карабкаюсь вот по замеченной снегом дороге, тащу волокушу и думаю. Получается с трудом, но стоит прекратить – и снова вижу эту полупрозрачную дрянь. Тогда мне становится плохо, очень плохо. Вот и приходится быстренько забивать голову чем-нибудь другим.

Я старательно, но пока безуспешно ищу ответ на загадку – куда могли подеваться люди? Бесследно сгнули почти полторы сотни человек! Ну не может этого быть! Не может – и все!

Так. Попробуем разложить все по порядку. От того, что я буду вопить и метаться из стороны в сторону, никакого проку не выйдет. Значит, будем делать, как привыкли. Как распутывается след барса на снегу? Правильно, шаг за шагом, не забывая поглядывать по сторонам. Барс ведь может и не только по снегу пройти, но и по камням, а следы все равно останутся. Надо лишь их заметить.

Жители Райты исчезли три или четыре дня назад. В этом я уверен. Наметенный в распахнутые двери снег, остывшие печи, брошенные на половине дела... Кстати, из деревни также пропали все домашние животные – собаки, коровы, даже кошки и, по-моему, крысы. И случилось это все после землетрясения – дома целы и кое-где я заметил свежеположенные доски. Значит, сразу после того, как все отгремело, люди бросились латать расшатанные стены и крыши.

А потом над горами поднялась эта самая зеленая заря...

Ладно, забудем пока про зарю. Что могло стрястись сразу после землетрясения? Откуда появился провал рядом с деревней?

В нашествие демонов прямиком из царства Нергала мне совсем не верилось. В сошествие посланников Митры – тоже. Не стоила, если честно, наша Райта ни того, ни другого. Просто деревушка, каких в любой стране двенадцать на дюжину.

Значит, боги и демоны тут наверняка ни при чем. Что тогда остается? Незаметно спустившиеся с гор и внезапно напавшие нордхеймцы или гиборийцы? Тоже как-то невероятно. Так подгадать момент просто невозможно. Да и если бы в деревне был бой, остались бы тела. Ну, хорошо, победители увезли своих убитых с собой, но неужели кто-то потащит с собой трупы побежденных?

Не может такого быть...

Что тогда? Общий исход всех жителей в Хезер? Невозможно, я об этом уже думал. Все погибли во время сотрясения Граскааля? Опять же, где тела?

И почему умерли оборотни? Почему они были в зверином облике, почему выглядели задохнувшимися? Почему лежали так, что любому становилось ясно – они от кого-то защищались?

Слишком много безответных «почему» на одну мою бедную голову...

А если у оборотней опять объявился Бешеный Вожак? То-

гда понятно, отчего в деревне не осталось ни одного тела – волки всех уволокли с собой. Но убить своих, тем более детенышей? У оборотней, насколько я знаю, это считается самым большим преступлением, их ведь и так мало...

Я перебрал все возможные разгадки, и чем дальше, тем становилось поганее на душе. Если люди из Райты никуда не уходили, не умирали и на них никто не нападал – то волей-неволей все возвращается к странному зеленому зареву. Значит, это был не просто неизвестно откуда взявшийся свет над горами. Не отблеск солнца на поднявшейся над горами снежной взвеси и не причудливая игра света и теней. Зелень разгорелась в той же стороне, что и моя деревня, но я не мог точно сказать, как далеко было от меня до зеленой вспышки.

И еще дохлая тварь, лежащая у провала... Не будь ее – я бы скорее поверил во внезапное и стремительное нападение, после которого в деревне не оставили ни единой живой души. Но я собственными глазами видел это жуткое существо, чем-то еще напоминавшее человека. Оно тоже было мертвым, и, как и оборотни, умерло три-четыре дня назад. На этом существе не было ни следов ударов, ни ран, оно просто почему-то умерло. Откуда оно взялось? Пришло с гор? Вылезло из провала в земле?

А если оно ниоткуда не приходило?

От такой мысли я даже остановился. Тварь не приходила, она всегда жила здесь. Как один из мирных обитателей деревни.

Тогда почему же из человека получилось... вот такая мерзость? Или наоборот – как такая дрянь могла скрываться в облике человека?

Еще немного – и я заорал бы прямо в нависшее над угрюмыми горами небо с непроницаемой пеленой сизых туч:

– Что случилось в Райте?! Кто-нибудь, да скажите же – что произошло в моем доме?

Конечно, никто бы не ответил. Но вдруг? Есть же хоть какая-то справедливость в этом мире? Чем провинилась наша деревня, что кому-то понадобилось сотворить над ней подобное?

Сотворить?

Я все еще стоял, уставившись куда-то вверх, на гребень уже близкого перевала и серые облака над ним.

Сотворить...

За цепью Граскааля, в полуночных землях лежит страна Гиперборея. Там правят колдуны, Круг Белой Руки. Всем известно, что сильнее всего их заклятия действуют на мертвую плоть и холод.

А что, если это тамошние колдуны что-то наслали на нас? Что-то, заставившее людей покинуть дома и отправиться неизвестно куда, и убившее оборотней, рискнувших не подчиниться?

Ой, нет...

Что же мне тогда делать? Вернее, что же теперь будет? Что же теперь будет со всеми нами? А если Райта – только проба

сил?

Но тогда чего же я стою? Мне нужно в Хезер. Мне надо как можно быстрее добраться в Хезер. Там люди, живые люди, там скоро соберется ярмарка... А вдруг я приду и увижу то же самое – пустые, брошенные дома и больше ничего? Пустые лишь потому того, что я не успел вовремя?

Всего несколько дней назад все было так спокойно... Единственное, о чем мне стоило тревожиться – как бы не влетело от отца за ничегонеделанье. А теперь на месте моей деревни – призрак Райты, и где мои родные – неизвестно. Может, их и на свете больше нет...

Но зато я твердо знал о себе одну вещь. Если я выясню, кто виновен в гибели нашей деревни – я убью его. Чего бы мне это не стоило, и кем бы не был этот человек. И пускай я еще ни разу в жизни не держал в руках боевого оружия – неважно. Научусь драться. Я разыщу этого человека или людей. Отыщу хоть на краю света и прикончу.

На перевале я оглянулся. Вечерело, однако полыхающий в долине огонь был виден издалека. Пламя охватило почти все дома и радостно рвалось вверх. Погребальный костер для умершего поселения, где не осталось людей. Для маленькой, забытой всеми деревушки под названием Райта.

Шел я до самой темноты. Даже не слишком понимая, куда иду. Остановился, когда с размаху влетел в какие-то обледеневшие кустики и запутался в них. Оказалось, что вокруг уже настолько темно, что я не могу понять, куда это меня занесло. Пришлось ночевать прямо посреди этих жалких кустиков, из которых приличного костра не разложить, не то что согреться или укрыться от ветра.

А задувало изрядно. Холодный ветер с полуночи все время гасил мой костерок, швырялся пригоршнями твердого, сухого снега и норовил выдуть последние остатки тепла. Наверное, на всю округу было слышно, как я стучал зубами.

Гном молчал. Я уже начинал думать, что как раз вот он-то и сошел с ума. Молчит и молчит, смотрит куда-то прямо перед собой. Не поймешь. Вроде он и не мерзнет на такой холодине. Спросишь: «Хочешь есть?», кивнет головой – мол, хочу. Не спросишь – так и будет сидеть, пялиться на снег. Словно не живой человек, а чучело какое-то. Нет, мне, конечно, жаль его. Только вот тащить за собой эдакий груз по всем встречным кочкам и ухабам – мало радости...

Утро выдалось паршивое. Холодное, с низкими тучами, почти разлегшимися над горами. Жди снегопада, да не простого, а с ветром. Только бы не буран, а то конец нам обоим.

Закружит, заметет и костей не найдешь. А мне обязательно надо добраться до Хезера. Я это все время себе повторяю, чтобы не забыть и не думать больше ни о чем. Дойду до Хезера, расскажу всем, что случилось – а дальше будь что будет.

Оказалось, я вчера с размаху проскочил через перевал и в сумерках взял выше, чем нужно. Впрочем, дорога на Хезер все равно была завалена каменными осыпями. Придется мне обогнуть бывшую дорогу с полуночи, а уже потом свернуть и выйти в холмы. Так, в общем, даже короче выходит. Ну и что, что через горы? Пройду.

К середине дня я уже проклинал себя, Граскааль, тяжелые санки и вообще все, что попадалось на глаза. Из-за обвалов мне приходилось забираться все дальше и дальше к полуночи, а набухшие тучи прорвались бешеной снежной круговертью. Вскоре мне пришлось честно признаться – я не знаю, куда иду. В горах это – самое худшее. Если потерял дорогу – лучше остановись, укройся где-нибудь, пережди. В такую метель запросто можно нырнуть вниз головой в бездонную пропасть или загреметь вниз по камнепаду. Вдобавок из-за этого треклятого землетрясения теперь все не на месте.

Я бы спрятался, но где? Вокруг надрывно свистел и бросался снежными хлопьями ветер, и все, что я видел – близкую каменную стену, уходившую куда-то вверх. Я забрел в какое-то незнакомое ущелье, и понятия не имел, где в нем можно найти хоть какое-то укрытие.

Метель швырнула мне в лицо град холодных колючих сне-

жинок. Стоять на месте было без толку. Стой – не стой, лучше не станет. Пойду осторожно вперед, может, наткнусь на какую пещеру.

Гном на санках зашевелился. Иногда он действительно садился, и я уже начинал надеяться, что все обошлось и он опомнился. Но стоило посмотреть на него – и все становилось ясно. Ему просто что-то мерещилось. Однако сейчас он сумел неуверенно сесть и стал оглядываться по сторонам. Я подошел и присел рядом, загораживаясь от ветра:

– Ты чего? Сейчас передохну и дальше пойдем. Лежи.

– Где мы? – вполне здравомысляще спросил он.

– Понятия не имею, – честно сказал я. – Где-то над дорогой в Хезер. Метет здорово, но ничего, выкарабкаемся...

– Неправильно идешь, – кажется, он даже не услышал, что я ему говорю. – Не идти надо, прятаться. Впереди через два раза по сотне шагов – развилка. Иди налево вверх, там пещера.

Я промолчал о том, что эту пещеру могло давно завалить и что я вряд ли сумею в такую круговороть отсчитать два раза по сотне шагов. И о том, что пещера могла присниться ему в очередном страшном сне. Просто молча кивнул и затопал вперед, пытаясь считать шаги и пережидая внезапно налетавшие порывы ветра со снегом.

Примерно через двести шагов стена оборвалась и я разглядел тропинку наверх. Я успел взобраться по ней прежде, чем ветер окончательно взбесился, перемешав вместе небо,

горы и снежные хлопья.

Пещера, как ни странно, оказалась там, где говорил гном. Длинная пещерка с низким входом и карнизом шириной в пару шагов перед ним. Внутри хватило бы места человек на десять, а в глубине обнаружилась пара вязанок хвороста. Правда, он изрядно подгнил, но развести костер из него было можно. Снаружи раздавался вой бурана, скалы иногда вздрагивали от ударов разошедшегося ветра, и было невозможно понять – день сейчас или ночь.

А внутри тела горы было тепло и даже почти уютно. И неважно, что сидеть приходилось на острых и холодных камнях. Горел, негромко потрескивая костер, на котором жарились остатки козлятины и зайчатины, и мне иногда казалось, что ничего не случилось. Не было никакого землетрясения, и Райта стоит на своем исконном месте, а меня просто застал буран и я пережидаю его, чтобы потом вернуться домой. Тогда я смотрел на молчавшего гнома и повторял себе, что больше ничего не будет, как прежде. Согласится ли кто-нибудь в Хезере пустить меня жить у себя? А если нет, что, скорее всего, и будет, куда мне податься? И вдруг уже никакого Хезера нет?

– Зря ты это сделал, – голос гнома прозвучал настолько неожиданно, что я вздрогнул. Подгорный житель неотрывно смотрел в пламя разведенного в углу пещеры костра и говорил спокойно, даже чуточку равнодушно. – Не стоило тебе меня спасать.

– Почему? – несколько растерянно спросил я.

– Ведь это по нашей вине случилось... все, – он медленно поднял руку и обвел пещеру кругом.

– Землетрясение? – на всякий случай переспросил я. Вот, значит, оно как... Значит, это гномы растолкали спавших под горами великанов? – Это сделали вы?

– Наверное, – с трудом выговорил гном. – Мы... – он долго замолчал, и я решил, что сейчас он опять заснет. Однако он заговорил, и спросил совсем о другом:– Куда ты хочешь добраться?

– В Хезер, – буркнул я. – В большую деревню на Гиперборейском тракте.

– Я знаю это поселение людей, – кивнул гном. – А куда пойдешь потом?

– Не знаю, – мне почему-то стало совсем тоскливо.

– Мне нужно в столицу, – непререкаемым голосом заявил гном и я озадаченно посмотрел на него. – Ты поможешь мне?

– Зачем тебе в столицу? – не понял я.

– Поговорить с вашим правителем, – неспешно ответил гном. – Я должен рассказать ему кое-что. А потом могу умереть.

– Умереть? Зачем тебе умирать? – я окончательно растерялся. Нет, я понимал, что необходимо доставить гнома к нашему королю – он наверняка знает что-то о случившемся под горами, но к Нергалу-то чего торопиться? Все там будем, рано или поздно...

– Никого больше не осталось, – отстраненно проговорил гном. – Из клана Фрерина никого нет в живых... Значит, мне тоже незачем жить.

– Но ведь не все же ваше племя погибло! Кто-нибудь наверняка спасся! – я попытался убедить его, но гном меня не слышал. Он сказал все, что считал нужным и снова замкнулся в себе. Я попытался выпросить у него, что же стряслось под Граскаалем, что растревожили гномы, но не услышал больше ни слова. Что ж, придется из Хезера как-то добираться в столицу. Главное – чтобы гном не умер по дороге. Или он точно решил дожить до встречи с королем? Ну хорошо, как-нибудь я смогу привезти его в столицу, но я совершенно не представляю, как можно увидеть короля... Ладно, потом разберемся как-нибудь. Нам бы сейчас уцелеть.

Мы просидели в пещере остаток дня и всю ночь. Наутро буран улегся. Я выбрался наружу и огляделся. Вокруг было тихо до звона в ушах и бело. Пещерка лепилась к краю скалистого обрыва (и как я вчера в темноте и под таким ветром с него не сверзился?), внизу было ущелье и какое-то строение. Большое, непроглядно-черное, с парой высоких башенок по бокам. Мне оно показалось на редкость мрачным и неприветливым.

Неподалеку от пещеры торчал высокий камень, черный с красными прожилками. Было похоже, что его специально там установили. То ли знак какой, то ли веха для путников.

Я забрался обратно в пещеру, развел из остатков хвороста

костерок и спросил у гнома, не знает ли он, что это за камень и что за здание громоздится в конце долины. Я не ждал, что он отзовется, но получил ответ:

– Черный дом – брошенный храм какого-то старого бога. Камень – могила. Под ним лежит женщина, погибшая в этом храме. Три года назад люди и хирд гномов уничтожили здесь стаю бешеных оборотней.

Вот, оказывается, где это случилось... Я бы выпросил еще что-нибудь, но гном явно исчерпал запас слов на сегодня.

Буран смел часть снега и идти стало гораздо легче. Вскоре я уже смог прикинуть, куда забрался, и свернул вниз, к холмам. Перевалил через низкую каменную гряду, спустился вниз и нырнул под тяжелые еловые лапы, покачивающиеся под навалившимся на них снегом.

В лесу было тепло. Идти, правда, тяжеловато – под деревьями снегу намело по колено, а то и выше. Потом я выбрался на дорогу, но и там было не легче – вчера ее хорошо засыпало. До Хезера оставалось около трех лиг. Если повезет – к вечеру дойду.

Я шел и шел, везя санки и глядя по большей части себе под ноги. Мимо проплывали заснеженные ели, волокуша с каждым шагом становилась все тяжелее и тяжелее... Я понял, что вымотался до предела, но мне нужно было дойти до деревни. Там я смогу упасть и больше не вставать.

До меня не сразу дошло, что за мной уже довольно долгое

время кто-то идет. Под осторожными шагами тихо похрустывал снег, пару раз до меня долетел приглушенный вздох. Преследователь особо не скрывался, и в другой день я бы давно его услышал. Но не сегодня, когда все, о чем я думал – как бы не упасть.

Это мог быть кто угодно. Может, грабитель, решивший поживиться за счет одинокого путника. И все же я остановился и оглянулся, на всякий случай потянувшись за ножом.

Шагах в пяти от меня стоял здоровенный волк. Седовато-серебристая зверюга с широко распахнутой пастью, из которой вывалился красный длинный язык. Волк ничего не делал, просто стоял и глядел эдак оценивающе. Затем переступил с лапы на лапу и сделал крохотный шаг ко мне.

Ну почему все шишки валятся именно на меня? Откуда принесло этого пса-переростка? Если волк сейчас прыгнет, то наверняка собьет меня с ног...

Волк приблизился еще на шаг. Толстый пушистый хвост поднялся вверх и качнулся из стороны в сторону. Затем еще раз. Он что, издевается? Хвостом виляет, прежде чем вцепиться?

В густой шерсти на груди зверя что-то ярко блеснуло. Цепь. Толстая золотая цепь с красными камешками.

И тут я не выдержал. Сел прямо на дорогу и остался сидеть. Волк с цепью на шее преодолел последний шаг между нами, ткнул в меня холодным черным носом, тщательно обнюхал, затем подошел к лежавшему на санках гному, обню-

хал его тоже и, видно, что-то уяснил для себя. Покрутился рядом, поднял зубами брошенную мной веревку от волокуши и попытался сдвинуть санки с места, кося на меня яркими синими глазами.

Волк, тоже мне... Можно было сразу догадаться. Оборотень, он и есть оборотень.

ДОКУМЕНТ

Лист дневника путешествия Хранителя путевых карт королевства Аквилонского Евсевия Цимисхия в земли королевства Пограничного и горы Граскаальские, кои королевство помянутое от земель Гиперборейских отделяют.

«...По прошествии же двух месяцев после деяний славных, свершенных королем нашим Конаном I в провинции, лежащей на полночь и восход от Тарантии, вновь снарядился я в путь, ибо немало есть еще краев и государств в Хайбории, где я не бывал, и вскоре прибыл в пустынную и суровую страну, исстари именуемую королевством Пограничным.

Страна сия находится на полночь и восход от Гандерланда, а от Киммерии на восход и вершинами, имя носящими по стране сей Киммерии данное, крутыми и высокими вель-

ми, от оной отделена. Земли здешние (королевства Пограничного) унылы и бедны, почвы же засолены обильно, что для возделывания хлеба и иных плодов и злаков представляет затруднение великое. По той же причине нет здесь и лесов широколиственных, как в Аквилонии или полуденном королевстве Зингарском, но только густые рощи сосновые произрастают там, где воды свежей толика обнаружится. На полночь же земля сия также горами окружена высоты замечательной, именуемыми Граскаалем, кой частью хребта Эйглофиатского является. За сим неодолимым хребтом на полночь лежит страна Гиперборея, о коей в прежних сочинениях моих и трудах писано подробно весьма.

В сих горах селятся люди в деревнях малых, дома же их сложены из грубого камня и дерева, а еще делают они хижины из прутьев и веток и обмазывают глиной оные, и там содержат овец и коз своих и живут сами.

А горы те преизобильны многими рудами и камнями самоцветными, и оттого гномы, паки до богатств сих жадны, обитают в пещерах подгорных во множестве.

И се, в осень года 1288 посетил я горы сии в сопровождении правителя помянутого королевства Эрхарда, начальника стражи дворцовой Веллана и слуг их, направляясь к поселению, именуемому Хезер, и был очевидцем событий престранных, в сравнении с коими чудеса стран на полдень и восход лежащих меркнут и умаляются весьма. И мнится мне ныне, что таинства и дива земель полночных вельми

заманчивее и удивительнее, и тому рассказ мой порукою и свидетельством послужит.

Вечеру, будучи в виду высочайшей части гор Граскаальских, расположившись станом и предполагая уже отойти ко сну, любуясь на вершины, лунным светом осиянные, наблюдал я, как взметнулись в единый миг над скалами сими острыми вдали, что, как дошло до нас позже, великим благом было, фонтаны огня зеленого на высоту превеликую. Пламя сие яркостию и блистанием премногим отличалось, разум восхищая и взгляд радуя. По прошествии же времени дошел до слуха нашего грохот престаишный и треск оглушительный преизрядно. Почва же под стопами нашими еще ранее того содрогнулась, и дрожь сия, не унимаясь ни мало, длилась долго весьма. Пламя же извержение свое из недр горных продолжало, и в чем была причина сего, того никто из нас не ведал вовсе. А форму имело оно фонтанов, и дерев с кроною раскидистой, и столпов, и колонн, и колес крутящихся и иные многие, кои каждому разумение его и воображение подсказывали. И красота зрелища оного вельми прельстительна была. И се, отсиявши и отгремевши, исчезло пламя то, в глубинах земных сокрывшись и почив.

Король же Эрхард, после исчезновения пламени дар речи вновь обретя, мысль изрек сколь разумную, столь же и печальную о том, что по причине сотрясений и взрывов пламени сильных и жестоких ущерб селениям горным нанесен будет тяжкий весьма.

И было по словам его, ибо следующими днями, отыскав короля своего, гонцы прибыли и рекли, яко пять деревень обвалами, в горах происшедшими от сотрясений и корчи земной, сметены, и людей в них погибло до трех сотен и еще пятидесяти человек, и разрушения престрашные на дорогах горных и мостах причинены. А еще явились от владык гномых посланцы и рекли, яко в селищах подгорных события сии к последствиям прегорестным привели, ибо пещер обрушено было преизрядно и сокровищ ценных, и гномов заживо под землею, а ино запасов жидкости горючей, и угля погребено и пламенем подземным зеленым, и припасов горючих от одного возгоревшихся, пожжено, и сие превеликой жалости достойно...»

Свидетельствую и руку к сему приложил Хранитель путевых карт королевства Аквилонского Евсевий Цимисхий.

Глава четвертая

ЭВИСАНДА, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии

28 день первой осенней луны,
1288 г. Полдень и далее.

«...Порой судьба выбирает в качестве вестников, должествующих сообщить о ее решениях, либо весьма необычных существ, либо самых заурядных. И в том, и в другом случаях люди часто не в силах предугадать, какие последствия грядут за полученными ими известиями, а потому поступают так, как подсказывает благоразумие – то есть не предпринимают никаких действий, ожидая не то наития от богов, не то подсказки со стороны. Для Аквилонии подобным вестником послужил мелкопоместный дворянин из Гандерланда и его слуги, доставившие ко двору короля невиданного доселе зверя, со многими опасностями изловленного ими на границах земель Ямурлака, и несколько гонцов, по-

сланных лазутчиками в Немедиш и принесших странные и пугающие слухи...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

– Эви, отвяжись ты от меня... Спать хочу.

И это – ответ на все старания! В конце концов, мне требовалось не столь уж и много – всего лишь капелька внимания. Кажется, я так и не добьюсь желаемого. Осуждающие и многозначительные взгляды успеха не имели – очень трудно заметить чей-либо взгляд, если отвернуться от собеседника, да еще накрыть голову подушкой. Но я с детства отличалась упрямством, а потому сделала вторую попытку:

– Ваше величество, а не угодно ли...

– Не угодно! – приглушенно донеслось в ответ. – Иди прогуляй в саду! Или где-нибудь еще! Только уйди отсюда!

– Фи, какой грубиян, – вздохнула я, усаживаясь на краю огромной постели. Ну хорошо же, варварская душа, у маленькой Эви отыщется замечательный способ заставить тебя уделить мне немного твоего драгоценного времени. Сам напросился, незачем было делать вид, будто меня здесь нет!

– Между прочим, о мой повелитель, – небрежно сообщила я, – герцог Просперо, выпивший вчера не меньше тебя, проснулся с первой стражей и уже...

Договорить мне не дали. Упоминание о герцоге, как я

и рассчитывала, подействовало безотказно – из-под подушки появилась всклокоченная черноволосая голова и Конан нетерпеливо осведомился:

– Ну? И что – уже?

– Герцог Пуантенский... – вкрадчивым кошачьим голоском продолжила я, – недавно заходил сюда, убедился, что разбудить тебя невозможно, и отправился делать то, чем должен заниматься ты...

Кстати, это было правдой. Пуантенец действительно заглядывал незадолго до десятого послеполуночного колокола, издевательски-учтиво пожелал мне доброго утра и пригласил к завтраку. Я ответила, что, если мне не удастся разбудить короля, то никакого завтрака не состоится, да и обеда, пожалуй, тоже. А виновных в этом печальном обстоятельстве далеко искать не надо. Кто вчера превратил мирный ужин в разгульную пьянку? И я совершенно правильно поступила, что ушла, не дожидаясь, пока загулявшую компанию посетит очередная сногшибательная идея и они примутся ее осуществлять...

– Это что же? – нарочито суровым голосом осведомился король, приподнимаясь на локте. – Утешать некую хорошо знакомую мне светловолосую красавицу, мающуюся одиночеством?

Очень остроумно. Иштар Великая, когда же он уразумеет, что мне вполне хватает его одного! Я же не враг себе, чтобы строить глазки кому-либо еще... давая тем самым повод Его

величеству выставить меня за дверь, а придворным – животрепещущую тему для сплетен на ближайший месяц.

– Господин Просперо занят важными государственными делами, – сердито сказала я. – И прекрати ревновать!

На лице короля выразилось плохо скрываемое отвращение и он снова рухнул на кровать. Зря я с утра упомянула «важные государственные дела». Знаю же, что нынешний правитель Аквилонии ненавидит это занятие больше всего на свете. Возня с многочисленными бумажками наводит на Конана беспросветную тоску, а прогоняет ее король единственным хорошо известным ему способом – устраивает почти каждый вечер «малый прием» для друзей. Последствия таковых приемов налицо – похмелье, головная боль, нежелание разговаривать, вставать и вообще жить... Может, рискнуть и намекнуть Его величеству, что стоит уменьшить количество ежевечерних возлияний, и что сорок лет – отнюдь не двадцать? Никто ведь не спорит, что король способен перепить любого из придворных, и совсем не обязательно это всякий раз доказывать!

– ...Эви, ты все еще здесь? – вывел меня из задумчивости страдальческий голос. – Вот и хорошо. Сделай доброе дело – спаси аквилонскую монархию. Принеси пива, а? Лучше светлого.

Мне осталось только горько вздохнуть, встать и, как верной подданной, отправиться выполнять свой долг перед государством и его правителем. Высказывать свое мнение о по-

добном способе справляться с утренней головной болью я не стала – все равно не слушает.

Вечно у меня все не так, как у нормальных людей. Правильно говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой». С первым мне повезло, а второго что-то совершенно не замечается. Муж – безответная тряпка, какого-никакого положения в столице я добилась сама. Да только много ли оно стоило, это положение при дворе старого полубезумного короля? Что со мной случится завтра – я даже не загадываю.

– Ну за что мне такое наказание? – спросила я у мраморной львиной маски на стене. Разумеется, ответа я не дождалась. Впрочем, я прекрасно знала его – сама виновата, дорогая. Решила поиграть с огнем – теперь не жалуйся.

Вот я и не жалуюсь. Другая бы на моем месте давно возмутилась – мол, я не служанка, чтобы бегать туда-сюда, а я помалкиваю. Именно поэтому многочисленные юные, не слишком умные особы, пытающиеся исподтишка избавиться от меня, так и не достигли успеха.

Конечно, мне пришлось кое-чем пожертвовать и многое потерять, но за любой успех приходится платить. Я выполнила требование моего благоверного, раз в жизни набравшегося достаточной смелости и решившегося возразить против моих поступков – покинуть его добропорядочный дом и не пятнать своим недостойным поведением его безупречную репутацию. Я переживу и злорадные шепотки за спиной, и прозвище «Ночная королева», и произносимое вполголо-

са «варварская подстилка». И смирюсь с тем, что все мои знакомые теперь либо предпочитают не замечать меня, либо прозрачно намекают – не могла бы я замолвить за них словечко-другое?

Впрочем, насчет своих знакомых я не заблуждалась с самого начала. Люди, постоянно обитающие в королевском дворце – особенно в таком огромном и запутанном, как Тарантийский – давно создали свой обособленный мирок, с раз и навсегда установленными правилами, неписаными законами и уложениями. Выбившийся наверх всеми правдами и неправдами обязан тянуть за собой всех имеющихся родственников. Фаворит или фаворитка правителя должны оказывать покровительство всем, кто хоть чем-то помог им в достижении цели. Открыто выражать свое мнение – дурной тон... И так далее до бесконечности.

Я пренебрегла большинством этих требований. Видимо, сказалось влияние короля, которому вообще нет дела ни до каких местных порядков и всей нашей мышиною возни внутри дворца. Его куда больше интересуют дела страны, столь необычным способом доставшейся ему нынешней весной, общество его друзей... и немного – я. Спасибо и на этом.

В конце концов, невелика трудность – спуститься на этаж вниз и заглянуть в малую кухню. Там уже успели изучить королевские привычки, а потому мне даже ждать не придется. С ледника торопливо притаскивается бочонок, часть содержимого переливается во вместительную кружку, како-

вая торжественно вручается мне. Можно с чистой совестью идти обратно.

Сегодня я решила слегка отомстить Его величеству за небрежение ко мне. Кружку я выбирала сама, и сосуд, который мне приглянулся, изображал странное пузатое существо на кривых ножках. Существо жизнерадостно ухмылялось во все четыре имевшихся зуба и сжимало в поднятой лапке подобие бутылки. Не представляю, кто это мог быть, но чем-то веселый уродец мне понравился. Интересно, а король разделяет мое мнение? Вот и узнаем...

Иногда меня так и подмывает сыпануть в утреннюю опохмельную кружку чего-нибудь безвредного, но достаточно противного на вкус. Говорят, есть какое-то кхитайское средство, очень способствующее отвыканию от привычки к горячительным напиткам. Только, если таковое снадобье действительно существует, мне понадобится целый мешок. И, наверное, не один...

Когда я вернулась, меня встретили очень серьезно заданным вопросом:

– Эви, а ты не помнишь, что мы такое вчера отмечали?
– Годовщину разгрома на холмах Либнум, – съязвила я. Вообще-то на холмах Либнум, что в Шеме, никогда не происходило ни единой битвы. Там выращивают лучший из известных сортов винограда, а вчерашнее сражение с шемскими винами было безусловно проиграно.

Моего намека не поняли. Король озадаченно посмотрел

на меня, почесал в затылке и решительно заявил:

– Нет, что-то другое... Случаем, не день рождения Паллантида?

– Его вы праздновали в прошлом месяце, – напомнила я. – И мне помнится, что все вчерашние речи велись о каком-то недавно купленном доспехе... Кстати, мой король, вот твоё пиво.

Я поставила поднос с кружкой на кровать и очень вежливо осведомилась:

– Как только можно пить такую гадость?

– Много ты понимаешь... – долетело до меня в кратких промежутках между торопливыми бульканиями.

Столь жуткий способ борьбы с головной болью, как ни странно, оказался действенным. Ибо, опустошив сосуд, король заинтересованно оглядел оловянного уродца, хмыкнул и уже нормальным голосом поинтересовался:

– Издеваешься?

– Да, – честно призналась я. – Высказываю дерзостное неуважение к монархии. Готова претерпеть любое наказание, только не велите казнить, Ваше величество. Я этого не переживу.

– Любое, говоришь? – задумчивым и не предвещавшим ничего хорошего тоном протянул король. – Сейчас проверим...

Вот так. А дела государства и трона вполне могут подождать. И наплевать на все прозвища, которыми меня награж-

дают. Это от зависти...

Наверное, самое тяжелое занятие в мире – быть королем. Ведь едва любому правителю захочется немного порадоваться жизни, как, точно по какому-то нерушимому закону, обязательно стрясется что-нибудь, требующее его немедленного присутствия.

– Кого принес Нергал?! – мне показалось, что я сейчас оглохну от такого яростного рева, последовавшего в ответ на тихий, но настойчивый стук. Еще хорошо, что в королевскую опочивальню никто не вламывается запросто. Хоть стучат...

Дверь слегка приоткрылась, и в щели появилась физиономия Юсдаля-младшего. Все. Праздник для маленькой Эви не состоится. Если королевский летописец заявляется с самого утра, значит, во дворце случилось что-то серьезное.

Король глубоко и ошибочно убежден, что младший из рода баронов Юсдалей – самое бесполезное существо во дворце, содержащееся лишь в качестве уступки придворным условностям: раз нужен хранитель библиотеки, то пусть он будет. Я же точно знаю, что молодой Юсдаль прекрасно осведомлен о всех дворцовых делишках и ему известно гораздо больше, чем кажется окружающим. Уроженцы Гандерланда по большей части относятся к числу людей, именуемых «себе на уме», и Хальк не является исключением. Я отлично понимаю, почему недавно он отказался сменить свою возню с пыльными свитками и рукописями на столь выгодное и лестное предложение короля перейти в Черные Драконы – лич-

ную королевскую гвардию. Гвардия – это, конечно, прекрасно, однако возможность всегда быть в курсе дворцовых интрижек намного притягательнее. Король же считал, что Хальк свихнулся на своих книжках.

А драться Хальк умеет отнюдь не плохо (также как и делать все, за что он берется) – в искусстве боя на холодном оружии я, как и положено всякой аквилонской дворянке, немного разбираюсь. Но для большинства придворных он не более чем жизнерадостный молодой человек из хорошей семьи, в последнее время пользующийся благосклонностью короля.

Кстати, я уверена, что кличка «Ночная королева» приклеилась ко мне именно с его легкой руки...

– К вам можно? – сделав невинную мину, спросил Хальк, хотя точно видел, что сейчас нас лучше оставить наедине. – Надеюсь, я не помешал? Доброе утро, госпожа Эвисанда...

– Помешал! – грозно сказал король. – Не видишь – люди заняты.

– Важными государственными делами, – благочинным голосом добавила я, натянув на себя покрывало. А что еще оставалось делать? Только поддерживать сложившуюся легенду о легкомысленной, ехидной и беспечной госпоже Эвисанде.

– Ваше величество, – не смутившись, начал Хальк и, раскрыв дверь пошире, шагнул в комнату. – Тут события...

События? Под этим словом может крыться все, что угод-

но. Начиная от войны с Немедией и заканчивая ведром краски, пролитым на трон. И кому только пришло в голову затеять этот ремонт?

– Говори, только быстро, – приказал король, несколько виновато покосившись на меня. Я пожала плечами – мол, не сегодня, так в другой раз.

Хальк смиренно опустил глаза, а потом и вовсе отвел взгляд в сторону. Разумеется, лицезреть правителя страны в подобном виде не слишком позволительно. Я немного не рассчитала, полностью завладев всем куском шелковой ткани, выполнявшим роль покрывала. На королевскую долю ничего не осталось. Обойдется.

– Мой король, там привезли зверя, – покраснев, пробормотал Хальк. – Барон Омса из Лингена в Гандерланде...

– Какого зверя? – не понял король, а я насторожила уши. – В Гандерланде, кроме волков, кабанов и оленей, ничего нет. Твой барон что, притащил вепря к моему столу?

– Гораздо хуже, Ваше величество, – помотал головой Хальк. – Они поймали зверюгу на границах с Ямурлаком. Я не знаю, что это за животное. Барон твердит, что покажет его только королю... Слуги Омсы сплетничали, будто зверье начало разбегаться из Ямурлака, а возле поместья Уорвик видели голубого лысого медведя...

– Ямурлак? – при этом коротком слове короля подбросило с постели, словно пружиной. Ничего себе началось утречко!..

Вообще-то для человека, всю жизнь занимавшегося странствиями из страны в страну, а также энергичным участием в делах, признаваемых законами любого государства за наказуемые либо долгим пребыванием в тюрьме, либо немедленной казнью на месте, нынешний правитель страны вполне прилично справляется со своими обязанностями. Впрочем, он от природы обладает необходимыми для любого государя способностями – врожденным здравомыслием и умением находить подходящих людей. Чем был тот же герцог Пуантена при Нумедидесе? Всего лишь правителем вечно недовольной и бунтующей провинции, не знающим, как сложится его судьба завтра.

И за несколько прошедших месяцев в Аквилонии случилась странная вещь – слово короля снова стало законом, а управители провинций предпочли выполнять приказы из Тарантии, а не распоряжения местных баронов. Разумеется, не обошлось без вооруженных стычек и казни нескольких заводил. Впрочем, Сурпи и Кимолос Боссонец вполне заслуживали того, что с ними случилось...

Единственная земля королевства, оставшаяся неподвластной правителю – Боссонский Ямурлак. Впрочем, участок непролазных лесов, край диких скал и тихих озер, лежащий у истоков Громовой реки, никогда не был местом, где жили люди. Предки безвременно усопшего Нумедидеса за несколько столетий не сумели заставить подданных поселиться даже к границам Ямурлака. Сигиберт, заслуженно

прозванный современниками Воинственным, пытался лет двести назад силой захватить этот край, но не преуспел. Говорят, будто за невидимой волшебной стеной, ограждающей этот край, величиной с графство Шамар, живут одни нелюди. Гарпии, громадные пауки, василиски... Бр-р!

– ...Ямурлак, ваше величество, – подтвердил Хальк, отвернувшись в сторону, чтобы не смотреть, как король торопливо одевается. – Я думаю, государь, интересен не столько зверь, сколько рассказ барона Омсы. Если стена, ограждавшая страну нелюдей, рухнула, то может возникнуть угроза полуночным областям королевства... Я не говорю, что опасность представляют звери. Скорее всего, возмутятся дворяне и местные вилланы, потребовав от короля навести порядок. А всем известно – боссонским ярлам только дай повод возмутиться против владыки из Тарантии...

– Погодите, погодите, – возмутилась я, когда король застегнул пряжку на поясе и потянул Халька за собой к двери. – А я?

– А тебе что там делать? – недоуменно спросил король. – Спи дальше.

– Как что? Я тоже хочу посмотреть! – обиженно сказала я. – Никуда ваш зверь не убежит. Неужели трудно подождать пару мгновений?

– Желание дамы – закон, – очень серьезно сказал Хальк. – Конечно, госпожа Эвисанда, мы подождем. Кстати, Ваше величество, герцог Пуантенский просил тебя зайти – у него ле-

жит письмо от хранителя казны города Танасула. Недобор налогов на двадцать пять тысяч золотых и надо решить вопрос о...

– Заткнись, – прикрикнул на Халька король. – Вы здесь что, сговорились прежде времени свести меня в могилу? Пускай герцог сам решает, как решать! Просперо что, надеется, будто король возьмет меч и сам пойдет выбивать налоги из купцов?

– Ах, государь, – спокойно сказал Юсдаль. – Говорят, раньше именно так ты и поступал. Только именовалось это не выбиванием налогов, а чуточку более неприглядно...

Интересно, до каких пор король собирается терпеть бесконечные и разнообразные шуточки летописца по поводу прошлых приключений нынешнего правителя Аквилонии?

– Поступал, – кивнул король. – Можешь считать, что я готовился к нынешним временам.

– Ты всегда был предусмотрительным человеком, мой король, – едва заметно усмехнулся Хальк. С этим я была полностью согласна. Однако необходимо выставить эту парочку из комнаты, а то они могут препираться до бесконечности...

– Подождать меня вы можете и за дверью, – намекнула я. – Но учтите, если удерете – я очень обижусь.

Король и летописец все же соизволили поторчать в коридоре, ожидая, пока я натяну платье и на скорую руку приведу в порядок прическу. Правда, когда я выскочила из комнаты, меня наградили красноречивым взглядом, означавшим:

«Все женщины – неимоверные лентяйки...»

Мы вышли из жилого крыла тарантийского замка к парадным покоям, миновали караулы Черных Драконов и суетящихся в некоторых залах маляров да обивщиков, косившихся нам вслед с почтением и любопытством, и, выйдя к малой парадной лестнице тронного зала, спустились вниз.

* * *

– Ваше величество, – сдавленный шепот Халька остановил нас возле массивной двери во двор, – королю нельзя появляться перед подданными без головного убора. Надень берет, я прихватил с собой.

– А гребешок ты не прихватил? – раздраженно буркнул король. Несмотря на то, что правила придворного этикета в Тарантии намного мягче и проще, чем, скажем, в Бельверусе, необходимость помнить о них все равно раздражает короля. Впрочем, он нарушил уже столько традиций, что от неминуемого забвения еще одной ничего не изменится.

Хальк умоляюще посмотрел на меня. Если господин летописец надеется, будто я сумею убедить Его величество в необходимости надеть что-то на голову, то он глубоко заблуждается. Это невозможно.

Наши расстроенные физиономии, видимо, навели короля

на мысль, что просто так он от нас не отделается. Мы героически падем, но не позволим позорить Аквилонскую монархию перед лицом заезжих провинциалов.

Его величество пробурчал нечто невразумительное, однако явно характеризующее нас не с лучшей стороны, и принялся рыться по карманам. В одном из них обнаружился тонкий золотой шнурок. Насколько я поняла, ранее сей предмет входил в украшения парадной конской сбруи, но оторвался. Теперь же он послужил более важному делу – король обвязал шнурок вокруг головы, перехватив волосы, укрепил узлом на затылке и повернулся к нам:

– Сойдет?

– Да поступай как хочешь, повелитель, – в очередной раз скорбно вздохнул Хальк. – Ладно, выглядит пристойно.

– Просто замечательно, – сказала я, стараясь не захихикать. – Только немного поправить...

– Мы идем или нет? – напомнил о себе Хальк. – Кстати, ты не забыл, как правителю страны следует приветствовать мелкопоместных дворян?

– Сейчас по шее получишь, – пригрозил король и толкнул тяжелую резную дверь.

Обширный внутренний двор был почти пуст. Если не считать двоих гвардейцев, застывших у закрытых ворот в город, и громадного торгового фургона, запряженного тауранскими тяжеловозами. Одна боковая стена фургона была снята, и вместо нее красовались толстенные, с человеческий палец,

железные прутья. Изнутри фургон был задернут грубой мешковиной. На месте возницы сидел унылого вида человек в зеленом, пялился на башни замка и жевал соломинку.

Мы подошли поближе. От фургона отчетливо несло ароматом давно не убранной конюшни, под колесами растеклась большая лужа, остро пахнувшая звериной мочой. Я на всякий случай обошла ее стороной. В целом представшее перед нами зрелище напоминало шемский бродячий зверинец, причем не самый лучший.

– Эй, – окликнул возницу король. – Где барон Омса?

– Господин барон до ветру пошли, – лениво сообщил скупающий гандер, не вынимая соломинки из рта и даже не глядя в нашу сторону. – А тебе чего?

Стоявший сбоку Хальк чуть слышно хмыкнул.

– Дай на зверюгу посмотреть, – попросил король. – Занавеску отдерни, а?

– Не велено, – проворчал гандер. – Господином бароном сказано короля ждать. А Его величество шлаться где-то изволит. Наверное, дела важные...

Я покосилась на Халька и заметила, как он начинает трястись от смеха. После слов возницы библиотекарь кивнул и вполголоса добавил:

– Да, король занят. Государственными делами. Пишет эдикт о налоговых сборах в Танасуле...

Юсдаль успел заметить неприметное движение короля и слегка отодвинулся назад, избежав тем самым чувствитель-

ного удара локтем в бок. Когда-нибудь господин хранитель рукописей дошутится...

– Открывай, – теперь тон короля из спокойного стал повелительным. Но прежде чем гандер успел пробурчать очередное «Не велено», со стороны входа к дворцовым кухням и складам раздался громовой бас:

– Эй, детина, тебе чего нужно? Катись отсюда!

Хальк откровенно фыркнул, а я предпочла спрятаться за надежной спиной короля. На нас надвигался здоровенный бородатый человек с красным лицом, маленькими глазками и огромным брюхом. Если б не золотая баронская цепь с гербом на шее, можно было подумать, что во двор коронного замка Аквилонии забрался гандерландский разбойник. На поясе бородача висел тяжелый широкий меч, иногда царапавший оконечьем ножен о плиты, которыми был вымощен двор. Одежда толстяка великолепием не блистала – стоптанные сапоги, кожаная, украшенная заклепками куртка и потрепанная зеленая шапка с пряжкой. Медной, между прочим.

– Твой зверь? – спросил Его величество. – Дай посмотреть.

Барон оказался почти одинакового роста с королем, а весил, наверное, раза в два больше. Я от души понадеялась, что дело не дойдет до драки, иначе барону придется очень и очень плохо. Впрочем, он вряд ли рискнет, побоится. Такие только орать горазды.

– Я сказал – катись! – рявкнул Омса. – Еще тут всякие кухари суются глазеть на зверя, привезенного в подарок Его величеству!

– Мой король, – отчетливо проговорил Хальк. Яда в голове младшего Юсдаля хватило бы для нескольких кобр. – Вы уж извините, у нас в Гандерланде нравы дикие, народ простой, к дворцовой куртуазии не приучен...

Я все-таки не выдержала и засмеялась. Конечно, сегоднешним утром правитель страны выглядел совсем не по-королевски, больше смахивая на небогатого дворянина, возвращающегося из ночного караула и решившего полюбопытствовать, что за необычная повозка торчит во дворе. Однако представителям благородного сословия не мешало бы знать в лицо собственного короля!

Барон Омса из Лингена, как видно, туго соображал. Он постоял, глядя недоуменными глазами то на короля, то на еле сдерживающего смех Халька, то на меня, и решительно обратился к библиотекарю:

– Хальк, старина, этот парень на самом деле король?

– Несомненно, – хихикнул Юсдаль-младший. – Самый настоящий. Его Величество король Аквилонии Конан I. Покажи государю зверя, Омса! И расскажи, что происходит на границах с Ямурлаком.

– Король? – недоверчиво прогудел барон и решительно замотал головой. – Не-ет! Король – он должен быть в шелковой одежде, с государственной цепью на шее и дороднее ста-

тью. Рожа, опять же, откормленная... И по дворам со всякими девками не шляется... Хальк, брось шутить!

Тут уже я всерьез обиделась. Нет, нынешним утром я выглядела, честно говоря, не слишком хорошо, но обзывать потомственную дворянку «всякой девкой»!

– Эви, не обращай внимания, – про себя, видимо, король тоже посмеивался над толстяком, выезжавшим в столицу, наверное, лет двадцать пять назад, но решил, что настало самое время возмутиться: – Я тебе сейчас пошучу. Вот прикажу вздернуть на воротах, убедишься, какой я король!

– Ваше величество! – донесся до нас голос Паллантида. Капитан Черных Драконов, сопровождаемый двумя гвардейцами, вышел из-под арки, ведущей к двору-ристалищу гимназия. – А мы вас с месьором Хальком везде ищем! Герцог Просперо послал за тобой, владыка, и библиотекарем. На рассвете приехал гонец, привез какие-то странные новости из Немедии... Доброе утро, госпожа графиня.

– Король, – тупо повторил Омса, глядя теперь на Паллантида. – Король Конан. Точно повесят...

– Не повешу, – отмахнулся король. – Давай зверюгу показывай или проваливай! И без тебя дел неупрочот.

– Злого умысла не имели, – вдруг затараторил барон. – Кто ж знал? Король – он толстый должен быть, и уж никак не варвар по лицу! Прощения просим, господин мой!

Хальк, не выдержав, согнулся от смеха вдвое. Даже вышколенные гвардейцы Паллантида едва сдерживали усмеш-

ку. Я сочувственно улыбнулась медленно белевшему Омсе и скучающим голосом поинтересовалась:

– Так нам покажут животное или нет?

Король решительно отстранил оцепеневшего Омсу и сам прошел к повозке, неотступно сопровождаемый фыркающим Хальком. Возница, слышавший наш разговор, соскочил со своего сидения и бросился к веревке, свисающей с передка фургона. Омса неожиданно сорвался с места, толкнул взявшегося за веревку слугу и дернул за нее сам. Занавеска, закрывавшая клетку, медленно отодвинулась.

– ...Оно жедохлое! – ледяным голосом сказал Хальк, яростно глядя на толстяка. – Ты что привез, дубина?

– Только что живой был, – растерянно пробормотал барон, глядя на большую темную массу, лежащую на досках в полумраке фургона. Сквозь решетку были видны только четыре очень толстые лапы с длинными желтоватыми когтями, да хвост с кисточкой. Хвост сильно смахивал на львиный.

– Живо-ой! – передразнил Омсу библиотекарь. – А теперь подох! Вы его хоть кормили по дороге, бестолочи?

– Постой, – король удержал Юсдаля, явно собиравшегося пару раз врезать бестолковому соотечественнику. – Сейчас мы сами посмотрим. Эй, Паллантид, помоги открыть клетку.

Так я и знала, что этим все закончится! Что за совершенно детская привычка – все посмотреть и желательно потрогать собственными руками!

Король забрал ключ от замка у стоявшего столбом баро-

на и вдвоем с Паллантидом отодвинул тяжелую решетчатую дверь в сторону. Раздался ужасный, раздирающий уши скрип, петли проржавели и долго не хотели поддаваться. Само собой, когда стало возможно попасть внутрь, гвардейский капитан полез первым. Решил, наверное, что если кого-то съедят, пусть это будет он, а не король.

– Светоносный Митра! – выдохнул Паллантид, наклонившись над находившимся в клетке существом. – Повелитель, иди сюда! На это стоит взглянуть вблизи. Жалко, что он помер...

Тут уж никто не пожелал оставаться на месте, даже я, хотя мне совсем не хотелось забираться в маленькую вонючую клетку. Мы по очереди поднялись в фургон и, встав в круг, уставились на небывалого зверя. Никто не произнес ни звука, и готова поспорить, что подобная тварь оказалась незнакомой даже для повидавшего все возможные чудеса мира короля.

Животное было похоже на картинку в книге с описаниями сказочных животных. Грифон. Самый настоящий грифон. Тело обычного льва, песочно-желтое с рыжиной. Орлиная голова, только огромная. Блестящий светлый клюв длиной с три моих ладони. Настоящие крылья, как у беркута. Перья на крыльях и голове коричневые с белыми пятнышками. Если бы грифон поднялся на лапы, он оказался бы размером с небольшую лошадку...

Сзади протолкался Хальк и присвистнул.

– Конан, боюсь, тебе все-таки придется выдать барону Омсе большую награду, – сообщил он, присев на корточки рядом с лежащим зверем.

– За что? – изумился король. – За дохлятину?

И тут произошло вовсе невероятное. Мы все услышали голос. Не человеческий. Я взвизгнула от неожиданности и еле успела зажать себе рот ладонью.

– Сам ты дохлятина... Пить дайте.

Грифон с трудом поднял голову и посмотрел на нас темно-желтыми глазами с вертикальным узким зрачком. Все-таки живой. И говорит по-людски. На аквилонском наречии. Мда-а...

Пожалуй, теперь я понимаю, за что Его величество ценит Халька. За то, что Юсдаль-младший редко чему-нибудь удивляется. Пока король, Паллантид и его гвардейцы, да и я тоже, раскрыв рты, глазели на невиданного зверя, библиотекарь вскочил, приказал вознице Омсы сбегать к колодцу на соседний двор, а когда вода появилась, без всяких опасений подошел к грифону. И здесь Хальк не растерялся. Честно признаться, любой бы долго ломал голову, как напоить эдакую тварь, а он вытащил свой кинжал, положил его рукоятью в приоткрытый клюв зверя, и осторожненько, по лезвию, начал выливать воду из ведра. Струя текла по клинку, попадая в глотку грифона. Тот глотал. Мы стояли и смотрели, не совсем веря своим глазам.

– У него крыло сломано, – слышался виноватый голос

Омсы. — Не извольте гневаться... Это не мы сломали, он сам. За моими овцами охотился, гад!

— Уберите прочь эту свинью на двух ногах, — снова услышали мы голос зверя. — И пожалуйста, вытащите меня наружу. Здесь тесно и плохо пахнет.

Звук речи грифона смахивал на тихие удары гонга из храма Эрлика. Металлический голос. Не один человек так не говорит.

— Потащили? — Хальк решительно глянул на стоявших вокруг людей. — Только надо снять заднюю стенку повозки. Паллантид, прикажи позвать еще человек шесть Черных Драконов. Нам втроем не справиться. Тяжеленькая зверюшка...

Гвардейцы, свободные от службы, скоро прибежали, и, выломав доски в стене фургона, все вместе выволокли грифона наружу. Хальк руководил. Вернее, мешал всем, бегал вокруг и надоедал глупыми командами. А барон, изрядный силач по виду, стоял рядом и даже помощь не предложил. Просто пялился и беззвучно шевелил губами. Наверно, подсчитывал, какую награду получит от короля. Я хотела ему сказать, чтобы он на особую мзду не рассчитывал, но решила не портить человеку настроение. И так едва чуть ли не до смерти перепугали.

Крыло у грифона на самом деле оказалось сломанным. Это определил Хальк, осторожно развернув и ощупав его. Кость сломалась ровно, без осколков, как сухая палочка, а не

как зеленая ветка. Библиотекарь утверждал, будто перелом чистый и быстро заживет. Гвардейцы уставились на ямурлакское чудище, снова замолчавшее и закрывшее глаза.

Хальк решил, что теперь может всю распоряжаться без согласия короля. Он приказал десятнику Юнию привезти с кухни большую тележку, на которой обычно возили мешки с мукой или бочки. Его величество молчал. Потом библиотекарь сказал гвардейцам погрузить зверюгу и прикрыть мешковиной. Король опять промолчал. Но когда Хальк велел отвезти грифона в жилые покои замка, правителю страны пришлось вмешаться.

– Еще чего! – похоже, король на самом деле возмутился. Действительно, куда это годится – тащить вонючую, хоть и говорящую тварь во дворец! – На конюшню и никуда больше!

– Лошади испугаются, – встрял Паллантид. – Лучше в зверинец, там ему самое место.

– Ну нет! – Хальк всю пользовался королевским расположением. – Тогда ко мне в библиотеку! Я сам займусь его крылом. Мой король, ты подумай – за несколько тысяч лет люди впервые увидели подобное существо!..

Он еще долго нес что-то похожее про всякие науки, про то, что мы можем узнать от этого несуразного чучела, наконец, про Ямурлак и государя, который должен быть, как он выразился, «просвещенным». Долгая была речь, и к концу король все-таки согласился, предпочтя уступить, чем выслу-

шивать нескончаемую ученую болтовню. Я услышала, как Его величество пробормотал:

– Ну и пускай тащит к себе. По крайней мере, его же и сожрут первым.

Едва повозка, сопровождаемая Черными Драконами и библиотекарем, укатила, к королю и оставшемуся во дворе Паллантиду медленно подошел барон Омса.

– Государь, – толстяк стянул с головы шапку и мял ее в руках. – Не извольте гневаться... Вы, я понимаю, зверюшку-то забрали? Может, награда какая будет за поимку? У меня зверь трех крестьян когтями поранил... Коров напугал. Овцу разорвал и слопал... А, государь?

Несколько мгновений король размышлял, а затем повернулся к капитану гвардейцев, распорядившись:

– Паллантид, напиши господину барону бумагу. Я жалую ему тысячу монет золотом. Потом отошлешь барона к канцлеру Публио, пусть уплатит, – король перевел взгляд на Омсу. – Барон, если канцлер откажется давать деньги, будь настойчивей. Он заплатит, нужно только постучать кулаком по столу. Если что – ссылайся на меня.

Просиявший Омса и Паллантид ушли.

– Вечером у Публио будет то еще представление, – сказала я.

– Сам знаю, – буркнул король и очень похоже передразнил почтенного канцлера: – Казна пуста, а Ваше величество изволит швыряться последними грошами направо и налево!

Знакомо до отвращения. Но обязан же я был хоть немного заплатить этому Омсе!

– Конечно, должен, – подтвердила я. – Ты все правильно сделал, мой король. Любопытный зверь, правда?

– Угу, – согласился Его величество. – Правда, на кой он здесь нужен? Ладно, потом придумаем... Слушай, у меня сейчас есть какие-нибудь неотложные дела?

– Герцог Просперо хотел тебя видеть, – напомнила я. – И приглашал нас на завтрак.

– Вот и пойдем завтракать, – заключил король и потащил меня за собой.

* * *

Нешуточный бардак, устроенный вчера в покоях пуантенского герцога, был уже каким-то чудом прибран. Сам Просперо удобно расположился за накрытым столом, уткнувшись в какой-то пергамент и одновременно отхлебывая из кубка. Никто бы не сказал, что этот до тошнотворности изысканный красавчик вчера хлестал кувшин за кувшином красное вино десятилетней выдержки и орал непристойные песни громче всех. И еще подбивал Его величество пойти прогуляться ночью по городу. Знаем мы эти прогулки – утром вся Тарантия захлеб судачит, чего нового натворили пья-

ный король с придворными...

Услышав стук двери, Просперо оторвался от своей бу-
мажки и начал было вставать. Король махнул рукой – сиди!
В конце концов, здесь, в комнатах, принадлежащих пуантен-
цам, единственное место во дворце, где король может не за-
ботиться о правилах и этикете.

Мы расселись, и какое-то время в комнате было тихо. Ко-
роль занимался тем, что опустошал стоявшие на столе та-
релки, Просперо молча перебирал стопку сложенных листов
пергамента. Мне есть не хотелось, а потому я сделала нахаль-
ную попытку заглянуть в бумаги герцога. Когда же мне это
не удалось, спросила:

– Так что такое стряслось в Немедии?

– Да ничего особенного, – пуантенец небрежно столкнул
все свои листы на пол и потянулся за кувшином. – Наш че-
ловек прислал весточку, мол, на полуночи творится нечто
непонятное...

– А что видели-то? – поинтересовался я, наливая себе.
Просперо наклонился, поднял один из листков, скривился и
заунывно прочел:

– *«...И еще сообщаю, что третьего дня прошел слух о
неких вулканах, забивших возле Соленых озер, что возле по-
луденных пределов Пограничья. Будто горят те вулканы
зеленым пламенем и сжигают все вокруг. Сам я таковых
вулканов не видел, однако не нахожу причин сомневаться в
правдивости моего свидетеля...»* Отправлено конной почтой

десять дней назад из Нумалии. Интересная новость, правда, государь?

– Вулканы на Соленых озерах? – недоуменно переспросил король. – Да в жизни такого быть не может!

– Вот и я о том же, – согласился Просперо. – Однако что-то там наверняка происходит... Кстати, что за шум был во дворе? Я слышал, в зверинец привезли какое-то удивительное животное?

– Привезли, – подтвердила я. – Новую игрушку для господина королевского летописца.

– А заплатил за нее, между прочим, я, – проворчал король. – Тысячу золотых.

– Да? – пуантенец даже про вино от любопытства забыл. – Какую игрушку? И почему так дорого?

Его величество как раз перешел к рассказу о том, как они с Паллантидом полезли в клетку, когда в трапезную ворвался Хальк. Пробормотав: «Доброе утро, Ваша светлость», он плюхнулся в кресло и потащил к себе блюдо с жареными перепелиными крылышками.

– Хальк, а ты ничего не забыл? – строго спросил король.

– Я поздоровался, – пробурчал библиотекарь. – Что еще?

– А как насчет попросить разрешения сесть за стол? – вкрадчиво осведомился Просперо. Хальк прекратил жевать, построил невинную физиономию и жалобно заныл:

– Неужели Ваша милость не соизволит уделить верному подданному сухую корку со своего стола?

Просперо и король переглянулись. Пуантенец обреченно вздохнул. Довольный Хальк ухмыльнулся и вернулся к своему занятию.

– Выгнать бы тебя, – наконец сказал Просперо. – Мой король, почему ты еще терпишь этого выскочку?

– Да выгоняйте, – беспечно отозвался Хальк. – Не пропаду. Продам летопись, пусть все узнают, какие нравы царят при аквилонском дворе. Не одному ж Петронию богатеть на рассказах о бурной молодости нашего правителя! Я ничуть не хуже...

– Хальк, – не выдержал король. – Скажи мне, только честно – это ты разбалтываешь проклятому писаке ту брехню, что он выдает за правду? Если да – я тебе лично шею сверну.

Хальк даже поперхнулся от возмущения.

– Ваше величество, как можно? Я?! Да никогда в жизни! Митрой клянусь!

– Врет, – убежденно заявил Просперо. – Наверняка врет, мой король. Ну как можно верить гандеру, да еще с такой честной рожей?

– Также, как и пуантенцу, – немедленно отпарировал Хальк. – Вы вот вино уксусом разбавляете, а потом говорите, что так и должно быть...

– Кто разбавляет? – оскорбился Просперо. – Хальк, ты не завирайся...

– Хватит! – король слегка стукнул по столу и оба спорщика замолчали. Эта перебранка случается почти каждое утро

и, что самое удивительное, они еще ни разу не повторились. Всякий раз находят новую тему. – Хальк, что там с твоей зверюгой?

– Омса – болван, – сердито сообщил библиотекарь. – Они морили бедное животное голодом, представляете? Почти всю дорогу от Лингена до Тарантии!

– Представляю, – согласился король. – С твоего барона станется. И дальше что?

– Грифон сейчас спит, – доложил Хальк. – Когда проснется, мы с ним поговорим поподробнее... Я положил шины на крыло и распорядился, чтобы ему приносили с кухни поесть. Кстати, у него есть имя. Его зовут Энунд.

– А почему он вылез из-за своей стены? – вот что интересовало правителя страны больше всего. Что вполне объяснимо: где один грифон – там жди и десяток. А если за грифонами потянется и прочая тамошняя нечисть? Бед тогда не оберешься...

– Он говорит, что их стена рухнула, – растерянно сказал библиотекарь.

– Как рухнула? – не понял Просперо. – Стояла тысячу лет, а потом вдруг взяла и развалилась? Ни с того, ни с сего?

– Нет, – Хальк устроился поудобнее. – Я, конечно, не стал сейчас всего выпрашивать, но вкратце дело обстояло так. Дней десять назад в горах, что расположены на полночь от Гандерланда, произошло землетрясение. Небольшое такое землетрясение, в замках на склонах даже ничего не

пострадало. А потом из-под земли ударил фонтан зеленого пламени. Оно не обжигало, но всякий, кто его видел, начал испытывать сильнейший страх. Большинство живущих в Ямурлаке существ попытались скрыться. Часть ушла в горы, часть разбежалась по окрестным лесам. Энунд был в числе тех, кто направился в леса. Он был очень напуган, не понимал, куда летит, ударился о дерево и сломал крыло. Потом шел через лес, выбрался на поле, где паслись какие-то животные и попытался поймать одно. То есть он угодил на пастбища Лингена, – уточнил Хальк, остановившись перевести дух. – Вилланы Омсы застали его над задранной овцой и побежали жаловаться хозяину. Что предпринял Омса – и дураку понятно. Устроил облаву по всем правилам, загнал грифона к болоту, а там на него набросили сеть и скрутили. Омса, не долго думая, затолкал непонятого зверя в старый фургон и повез в столицу. Вот и все.

Поступок туповатого провинциального барона мне был совершенно понятен. Я на его месте велела бы вообще как можно скорее прикончить неизвестно откуда взявшееся чудовище.

– Это существо... грифон, оно говорящее? – уточнил Просперо. – Оно понимает, что говорит, или повторяет слышанные слова? Как птицы из дарфарских джунглей?

– Вполне понимает, – заверил пуантенца Хальк. – Помогите, грифон – не совсем животное... Ваше величество, а что мы теперь будем делать?

– Ты помолчишь, – похоже, королю пришла в голову какая-то мысль, но болтовня Халька спугнула ее. Впрочем, когда библиотекарь послушно примолк, Его величество сообщил, что ему не понравилось в рассказе летописца.

– Говоришь, зеленый огонь? – переспросил король. Хальк кивнул. – Просперо, а в письме твоего человека тоже говорилось о вулканах зеленого огня? – теперь кивнул пуантенец. – Но подробнее ничего не сказано?

– Ничего, мой король, – подтвердил Просперо. – Только названо место – Солёные озера.

– Не может там быть никаких вулканов, – влез Хальк, хотя его и не спрашивали. – Если верить картам, это низинная местность, а вулканы в подобных краях – такая же дикость, как пустыни в Аквилонии!

– Это и без тебя известно, – негромко сказала я, не совсем понимая, к чему клонит король. Его величество сделал нам обоим знак помолчать и продолжил:

– Мне вот что странно: от Ямурлака до Солёных озёр – почти сотня лиг. Но и у нас, и в Немедии видят какой-то зелёный огонь...

– Ну и что? – на редкость дружным хором спросили мы. – Это же две разные страны!

– Не знаю, что! – обозлился король. – Не нравится мне это, и все!

Хальк и Просперо озадаченно переглянулись. Я решила немедленно вмешаться. Не стоит сейчас лишний раз раздра-

жать Его величество. Лучшего всего будет сменить тему разговора на более безопасную, дав тем самым над королю возможность поразмышлять над тревожащим его вопросом.

– А что еще сообщают? – беспечно спросила я. – Я хочу сказать, помимо сплетен о вулканах?

Герцог оценил мои старания благодарным кивком, сунул руку в гору бумаг на полу, пошуровал там и вытащил новое письмо, украшенное разломанной печатью красного воска.

– Деша от барона Гленнора, – многозначительно сказал Просперо. Гленнор, один самых таинственных людей при дворе, был начальником тайной службы страны, однако в столице появлялся редко, предпочитая работать в своем доме под Тарантией, куда стекались сведения от верных Аквилонии людей, живущих в разных краях. – Интересные новости. Опять же из Бельверуса. Понимаешь ли, мой король, Гленнор заинтересовался человеком, исполняющим такие же обязанности при дворе Нимеда. Неким графом, отвечающим за безопасность в Немедии...

– Графом? – переспросил король. – А кто сейчас командует тайной службой Драконьего трона? Разве не герцог Лаварон?

– Этого человека зовут Мораддин, граф Эрде. Считается, будто он родом из Турана...

– Кто? – на этот раз вопрос задали два одинаково недоумевающих человека – Его величество и я.

Историю о своем друге Мораддине, бывшем капитане тай-

ной туранской гвардии, перешедшем на службу Немедии, мне как-то рассказал сам король. Повествование было долгим, чрезвычайно любопытным и слегка невероятным. Как, впрочем, и все, что касается обстоятельств молодости нашего правителя. Начало рассказа, отстоявшему почти на пятнадцать лет назад, было положено в торговом городе Султанапуре, что на полуночном побережье моря Вилайет.

Мораддин (из-за аграпурских дворцовых интрижек выставленный из гвардии) охранял медные копи в Кезанкийских горах, а будущий король Аквилонии (тогда не более чем бродячий наемник и искатель приключений на свою голову), как нетрудно догадаться, был там заключенным. Разумеется, как клялся Его величество, он был ни в чем не виноват, просто по привычке влез не в свое дело. Получилось же так, что у охранника и попавшегося в лапы закона преступника нашлись общие интересы. Один помог другому сбежать с рудников, а потом покинул их сам. Вдвоем они подняли на уши весь Султанапур – в способности Его величества к подобному действию я не капли не сомневалась – разыскивая какую-то украденную или потерявшуюся драгоценность, и, разумеется, были вынуждены бежать из Турана на закат. Требуемую вещь они, кстати, разыскали и вернули настоящему владельцу. Этот предмет, как выяснилось, исполнял одно самое заветное желание человека...

– И чего же ты пожелал? – поинтересовалась я. – погоди, сейчас попробую угадать... Кучу золота? Самую красивую

женщину в мире? Или, наверняка, никогда не иссякающую бутылку?

Король едко ухмылялся и отрицательно мотал головой в ответ на каждую из моих догадок.

– Тогда чего же? – перебрав с десятков предположений, я сдалась. Больше ничего подходящего в голову не приходило.

– Я сказал – «хочу быть королем». Только не догадался уточнить – когда, – задумчиво проговорил Его величество. – И пришлось еще полтора десятка лет болтаться туда-сюда, дожидаясь, пока пожелание сбудется...

Я фыркнула:

– Ты все-таки ужасно непредусмотрительный человек. Надо было потребовать: «Хочу стать королем прямо сейчас!»

– Советчика рядом не нашлось, – хмыкнул король.

...Спешно покинув Султанапур, два компаньона некоторое время странствовали вместе. Насколько я поняла, их путешествие было довольно интересным, но поступки частенько шли вразрез с законами. Потом их занесло в Немедию, ко двору Нимеда, где двое приятелей угодили в сплетенный во круг трона заговор и умудрились успешно его распутать. В благодарность Мораддину предложили поступить на службу в тайную канцелярию Нимеда, и бывший гвардеец ныне покойного Илдиза согласился. Будущего короля тоже звали, но он отказался, предпочтя свободную жизнь наемника постоянному пребыванию на одном месте и необходимости вы-

полнять чьи-то приказы.

А теперь, оказывается, давний приятель Его величества занял отнюдь не последнее место возле Драконьего Трона... Любопытно.

– Говоришь, этого человека зовут Мораддин? – переспросил у герцога король.

– Ты его знаешь, повелитель? – поднял бровь Просперо.

– Наш король всех знает, – не к месту влез Хальк. Тон у него был самый невинный. – А особенно хорошо – всяческих разбойников и авантюристов... Правда?

Спустя мгновение Хальк грохнулся на пол и чуть слышно выругался. Я даже не успела заметить, когда король успел выбить из-под него стул. Что ж, Юсдаля-младшего неоднократно предупреждали, чтобы он иногда придерживал язык за зубами, особенно находясь в обществе. Ничье терпение, а тем более королевское, не безгранично.

Хальк, держась за ушибленный зад, поднялся и сел подальше, на другой табурет. Герцог привычно сделал вид, что не заметил полета библиотекаря. Впрочем, и он, и король относятся к господину хранителю библиотеки одинаково – со снисходительным терпением много повидавших людей, готовых до определенного предела терпеть выходки молодежи.

– И что пишет о Мораддине барон Гленнор? – Его величество выжидательно посмотрел на герцога.

– Много любопытного, мой король, – начал Просперо. – Не знаю, как Гленнор это выяснил, но вот послушай...

Глава пятая

Веллан, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, поселение Хезер.

24 день первой осенней луны 1288 г.

«...Эрхард, король Пограничного королевства, принял власть над государством отнюдь не в самые лучшие времена. Однако на его стороне были веские преимущества – он пользовался искренней поддержкой немногочисленной, но весьма хорошо обученной армии Пограничья, ибо сам начал свою карьеру с должности десятника при короле Дамалле; его уважал и любил простой народ, признавая в короле равного себе и, наконец, что самое важное – с его правом распоряжаться согласились те, что некогда звались Караяющей Дланью Создателя, поскольку Эрхард принадлежал к их роду и заслужил звание Вожака. Сейчас ни для кого не секрет, что Пограничье и соседствующие с ним полуночные страны являются исконным владением волков-оборотней, ныне заключившими мир с людьми и перешедшими к оседлой

жизни. С их помощью Эрхард за три года сумел сделать то, что никак не удавалось его предшественникам – где хитростью, где силой вынудить независимые кланы, занимающие обширные земли на закате, признать королевскую власть и прекратить затяжные междоусобные войны, губившие страну. Король Пограничья также по мере сил способствовал поддержке торговли, ведущейся между людьми и гномами, а потому был в большей степени, нежели другие правители, осведомлен о всем, что происходило в подземных поселениях, и всерьез обеспокоился, узнав о загадочной гибели обитателей пещер под Граскаалем...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Этого парня я заметил издалека. Меня трудновато удивить, однако он сумел это сделать.

Человек выбрался откуда-то из леса, постоял на обочине и целеустремленно затопал к Хезеру, волоча за собой странного вида санки с еще более странной поклажей. Меня он не заметил. Меня вообще тяжело заметить, особенно если я не хочу, чтобы меня видели. Я пропустил человека мимо, затем выбрался на тракт и не торопясь пошел вслед, пытаюсь разобраться, что же за пугало тащится по дороге.

Этот неизвестно откуда взявшийся тип задал мне сразу несколько загадок. Во-первых, если я хоть что-то понимаю в

народах, живущих рядом с нашим Пограничьем, он был аси-ром. Асиру же здесь взяться было ну совершенно неоткуда. Или придется признать, что вся наша охрана границ никуда не годится. А это уже прямой плевок лично в меня. Я столько времени убил, пытаюсь хоть как-то наладить действенную оборону этих треклятых границ! Ну почему я живу в такой стране, где все вечно не так?

Хорошо, оставим пока страну в покое. Вот бредет по лесной дороге типичный мальчишка из Асгарда – долговязый, очень широкоплечий и светло-рыжий. Загадка вторая – почему у незнакомца такой вид, будто он только что удрал прямиком из подземелий Нергала? Весь какой-то потрепанный, замученный и чуть ли не валится на ходу. Что-то не похож он на одного из этих ненормальных варваров, что время от времени прорываются через Граскааль и пытаются испортить нам и без того тяжелую жизнь. И оружия у него никакого, только охотничий лук и короткий кинжал. Я что, опять углядел врага там, где его нет? И этот парень – местный, из какой-нибудь глухой деревушки? А что, очень даже может быть...

Тогда отчего, спрашивается, мне тревожно? Ну, идет себе человек и идет. Волочит за собой поклажу – так ни в каких законах не сказано, что нельзя везти свой скарб на санях. Санки, правда, странные – из одной лыжи и кое-как примотанных к ней разлапистых веток. На ярмарку, наверное, идет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.